
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ
МИРИАДЫ
СВЕТЛЯЧКОВ

Александр А. Зайцев
Мириады светлячков

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4953238
Мириады светлячков: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1276-1

Аннотация

Ты принадлежишь к «золотой молодежи». Твой отец – глава самой могущественной спецслужбы на планете, одно из первых лиц самого крупного государства на Земле. Весь мир к твоим услугам. Любые желания, любые женщины и развлечения. Но тебя тошнит. Тошнит от подлиз и желающих выслужиться. От постоянного подхалимажа, от неискренних улыбок и фальши. У тебя нет друзей и не может быть никогда. А приятели – они пустышки. Такие же пустышки, как и ты сам. И только одно желание: чтобы все это прекратилось, желание жить обычной жизнью пилота. Летать…

И желание исполняется. Только вот плата за его реализацию непредставима…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 21
Глава 3 37
Глава 4 53
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Александр Зайцев

Посвящается канувшему в Лету сериалу «Firefly»[1]

Глава 1

Первый монитор: статистика, координаты, техсостояние – норма. Второй монитор: каналы связи, дублирующие системы, энергопотребление – порядок. Третий монитор: курс, скорость, характер поверхности, анализ движения – соответствие. А их еще девять. Скука. Да и рассматриваю мониторы от безысходности. Могу вообще сидеть с пустым взглядом, только это уже надоело за первые четыре часа смены. А спать, закрыть глаза или отвернуться – нельзя. Кругом не только камеры, даже весь комбез утыкан датчиками так, что, по сути, является единым центром контроля всего и вся – от пульса до движения зрачков. И ладно бы я был нужен тут. Так нет, вот, к примеру, рядом джойстик прямого контроля. И что? Даже если взбредет в мою буйную головушку что-то изменить лично, то не выйдет ничего, совсем. Всем управляет Земля.

А какое зычное название у блока, в котором нахожусь, – «Центр контроля беспилотными аппаратами». «Комната ЦКБА», так принято в официальном сокращении, или «цупакабра», как пошло гулять по станции с моей подачи. Сидишь, сопишь, взглядом по экранам бегаешь – наблюдаешь. Место ссылки неугодных или провинившихся. А так как я и то и другое, то сидеть тут все оставшиеся два дня, до обратного челнока. С перерывами на сон, конечно. Впрочем, будь это помещение безлюдным, на работе трех приписанных к станции автоматических луноходов это не сказалось бы никак. Разве случись какой сбой связи с ЦУПом, и то сперва эти машинки отработают вложенную программу и только потом активируется доступ к прямому управлению. Но случись такое, меня сразу же заменят.

Сам виноват, знал же, к чему приведет вылитый в велотренажер гель. Конечно, знал, специально же сломал, только не думал, что так быстро узнают, кто это сделал. Казалось, мне удалось обмануть системы безопасности. Да и правда их обманул, вот только полковнику было все равно, что реальных доказательств нет, он и так прекрасно понимал, кто может сотворить подобное.

Да какая разница? Можно подумать, на моем предыдущем месте было веселее. Как же, гонять яйцеголовых, заставляя их заниматься по четыре предписанных часа каждый день в спортивном зале. Не-е-е, лучше я тут посижу. Нервам поспокойнее в цупакабре. Но вот что будет настолько скучно, никогда не думал. Регламент, будь он неладен, кто его только писал? Зачем в этой комнате постоянное присутствие человека, логически мне объяснить никто не смог. А я спрашивал в первый день ссылки сюда. То, что ответил капитан Терещенко, наш первый пилот, переводу на нематерный не поддавалось.

Ну и черт с этим, два дня всего осталось. Потом две недели реабилитационного курса и отпуск. Как раз успею к Славяну на днюху. Он вроде собирался ее отмечать в Гренландии, на семейной яхте под аккомпанемент обрушения ледника в море. Хороша идея. Если его батя, конечно, отдаст свою любимую игрушку – океанский катамаран, личную гордость. Хотя… конечно, отдаст. Дорогому сыночку-то. Не то что мой отец. Как вспомню его бешеный взгляд, так оторопь берет. А всего-то на борту один раз во время перегона на модернизацию вечеринку устроил. Ему-то что? Все было даже чинно, а заблеванные ковры – это же мелочь, их все равно менять собирались. Так нет, устроил разбор полетов со скандалом, да на глазах не только друзей, но и моделей конкурса «Мисс Европа». А ведь на одну из них я имел далекоидущие интересы. Ну не то чтобы далекоидущие намерения, но на недельку-

другую точно. После того как всех участников полета продержали в безопасности два дня, разумеется, все планы пошли прахом.

А теперь что? Папенькины лизуны, как я называю всех усердно желающих ему понравиться, пристроили меня сюда. Как же! Четвертый экипаж первой лунной! Вот, Дмитрий Васильевич, смотрите, как ваш сыночек под нашим чутким руководством поживает. Всего два года после учебы, а уже на Луне! А меня кто-нибудь спросил? Нужно мне это было? Это их не интересует, главное – отметиться, лизнуть. Впрочем, и сам батя не сильно интересовался моим мнением, силком затащив в летное военное училище. Одарил, как он считает.

О! А это что-то любопытное! Видео, поступающее со второго луноходика, показывало уже не обычный серый пейзаж лунной поверхности. Металлические обломки, раскиданные по чаше небольшого кратера, исковерканные и покореженные части чего-то. Руки сами тянутся к управлению камерами внешнего обзора. Как же, так мне и дали порулить.

– Лейтенант Стрепетов! Немедленно прекратите! У нас все под контролем, вы только мешаете.

И тебе привет, Земля. С экрана дальней связи на меня осуждающе косится техник ЦУПа.

– Понял. Убираю шаловливые ручонки. – А что еще остается?

– Стрепетов! – орет динамик внутренней связи. – Еще один неуставной ответ и полетишь обратно в грузовом трюме. – Напугал, ага, кто ж тебе позволит подобное самоуправство, полковник. А вот так ехидно скалиться – это было лишнее с моей стороны. То, что я его не вижу, не говорит о том, что он не видит меня. – А до отлета будешь питаться только вареной брокколи! – Вот это уже серьезно! Знает мое больное место и как ненавижу брокколи.

– Так точно! Понял, господин полковник!

Перед отключением связи успеваю расслышать удар кулаком по переборке. «Господин» – недавно принятое как уставное, но так бесящее командира станции обращение.

Руками шалить запретили, но наблюдать-то – моя непосредственная обязанность. Медленно, неуверенно, усыпанная кучей датчиков машина начинает двигаться по кругу, ощупывая обломки с расстояния всеми возможными способами. Неужели след чужих? Но не очень я верю в байки об инопланетянах. Существуй они где-то рядом, мы бы уже заметили давно. А если они сами не хотят контакта, то и технологии у них соответственно иные. Разбросанный же по лунному песку металл выглядел вполне обычно. Вон даже цветные проводки оборванной проводки торчат из одного куска. Вау! А это что блеснуло? Но любопытству пришлось ждать пятнадцать минут. Пока оператор ЦУПа не навел камеры на блестячку. Пустышка, отличить элемент солнечной батареи, пусть даже изрядно побитый, легко. Верю ли я в чужих, использующих обычные элементы – сегментированные ячейки для обеспечения своих нужд энергией? Конечно нет, значит, там валяется космический мусор, когда-то упавший на Луну. Не очень частыми бывают такие находки, это вроде всего пятая, но ничего экстраординарного. Сейчас техники будут собирать и анализировать поступающий видеоряд, результаты спектрального анализа и тому подобное. А я, пожалуй, погадаю, чей спутник прилунился так неудачно, благо имеется огромное количество вариантов, а символики и отличительных знаков пока не видно.

От зевоты вот-вот сведет скулы. Дали бы мне управление, и не катался бы луноход уже шестой круг, оставляя характерный след ребристого протектора. Сразу, конечно, не повел бы машину в кратер. Но после второго круга обязательно. Толку от этой езды – даже мне видно, что последние четыре круга были лишними, и вся информация, поступившая с них, только дублирует ранее полученную.

– Вызывает лейтенант Стрепетов, дежурный по ЦКБА. – Ладонь опускается на кнопку активации дальней связи. – При спуске в кратер возможны помехи. Разрешите взять кон-

троль над ЛПАМ-07БМ?[2] – Сколько там задержки временной? Туда – обратно, секунд шесть вроде, с учетом декодирования. Разумнее выдавать сразу пакет информации, нежели ждать ответа на каждую фразу.

– Над станцией висит ретрансляционный спутник связи. Прием уверенный. В перехвате управления отказано. Запрос записан и отказ задокументирован. – Официальное обращение, как это коробит. Но техник все же не военный. – Отдыхай, пилот. Но будь на месте, вдруг понадобишься.

Ску-у-ука. Но спасибо Сергеичу, хоть дал малую надежду. Вообще люблю, когда он дежурит. Нормальный мужик старой закалки, понимает, когда на правила можно и наплевать. В отличие от новой поросли, боящейся в туалет сходить без подписанного начальством разрешения.

Жаль, не получилось. Теперь получу нагоняй, ни за что не поверит Терещенко, мой непосредственный шеф, что я забыл о ретрансляторе. Достанется по первое число за дискредитацию пилотов станции своим якобы невежеством. Дернуло же найти такое нелепое оправдание своему желанию хоть чем-то заняться, надо было придумать что-то более правдоподобное, но теперь поздно.

Электронное табло отсчитывает секунды, которые тянутся как вязкое желе. До конца смены еще полчаса, а модуль просто стоит на месте, не решаясь спуститься. Может, зыбкая поверхность в этом месте? Смотрю на данные спектрографа – нет, все нормально. Что-то их там на матушке Земле заклинило основательно. Возможно, это как-то связано со скандальным законопроектом ООН? В котором сказано, что каждый найденный на Луне разбившийся спутник принадлежит стране-изготовителю. А обломки, найденные ноль седьмым, по всем параметром не наши. Китай или Япония с Индонезией скорее всего. С французами и американцами у нас есть двусторонние договоренности, отменяющие это положение. Пять лет назад их база обнаружила первый, еще советский луноход, несколько десятилетий простоявший на склоне невзрачного обрыва. Они передали его нам, теперь он красуется в Королеве на одной из площадей, накрытый прозрачным куполом из пуленепробиваемого стекла. Сейчас, наверное, ЦУП связывается с аналогичным центром на востоке для выяснения дальнейших действий.

– Лейтенант. – Никак не привыкну – из-за низкой силы тяжести шаги на станции не слышны. Подошедший со спины Давыдов, старший техник базы, своими словами заставил вздрогнуть от неожиданности. – Я вас сменю, можете идти.

Коротко кивнув, покидаю свое кресло. Вообще-то мне следовало отчитаться о своей смене, но я с ним не разговариваю. Из принципа. Бесит он меня, весь из себя такой правильный, честный… Тьфу… Да и он меня не любит, хотя надо быть честным, меня тут не любит никто. Но я давно уже привык к таким взглядам, когда смотрят как на ничтожество, занимающее место не по праву. Даже не пытался никому объяснить, что место это мне и даром не сдалось. Эти фанатики космоса в такое не поверят.

Сейчас мне положено идти в тренажерный зал, и, хотя жутко хочется спать, лучше последовать предписанному распорядку. Медики, которые его составляли, настоящие профи, знающие свое дело. Тут хоть и не невесомость, но организм следует загружать, иначе он пойдет вразнос, и намного быстрее, чем считает простой обыватель. Я жутко ленив по своей природе, но как говорят мои приятели, это странная лень, деятельная какая-то. Не понимают, что забота о здоровье – это и есть лень: час, затраченный на профилактику и спорт, в дальнейшем экономит сутки жизни.

Испорченный мной единственный велотренажер до сих пор был не разобран, так и стоит на своем месте, отмеченный бирочкой «Неисправен». И то хорошо, бесит это кручение

[2] **ЛПАМ** – лунный полуавтоматический модуль; **БМ** – базовый модернизированный.

педалей. От беговой дорожки пользы намного больше. Переодевшись в спортивный комбинезон с утяжелителями, зафиксировал крепежные ремни безопасности. Совсем не лишняя деталь, с непривычки пара научников как-то разбила свои умные головы, слетев с движущегося полотна тренажера.

Что бы выбрать на сегодня? Нажатием клавиши «листаю» список тем. Вот это, пожалуй, самое то, под настроение! Осень в Павловском саду. А музыку? Не люблю, когда видеоряд совпадает с мелодией. Взгляд цепляется за строчку, которую раньше никогда не видел. Да и не должно быть этого фрагмента классики в компьютере станции. Читал случайно отчет психологов, рекомендовавших исключить именно это произведение. Что-то вроде того, что оно может негативно повлиять на психику при частом прослушивании в замкнутом коллективе. Может резон в этом и есть, но мне фиолетово – за свои мозги вполне спокоен.

При достаточной фантазии легко вообразить себя бегущим по усыпанным разноцветными листьями тропам. Стереоочки дают максимально близкий эффект присутствия из возможных при нынешней технике. До фантастической виртуальности, которую нам обещают из года в год и которая все еще «вот-вот уже почти», наверное, весьма далеко. Без воображения вы так и будете пялиться на изображение и переставлять ноги на одном месте. Я же «бежал» по парку, и во всем теле отдавался ритм струившейся из наушников мелодии – вагнеровского «Полета валькирий».

Захотелось вновь сжать в ладонях штурвал и заложить «полубочку» на бреющем полете. Как на меня матерился на исковерканном русском главный конструктор после подобного трюка! Мол, неоправданный риск, машина еще не оборудована полноценным АБУ-Пом[3] для таких маневров. Но когда эта новейшая система будет полностью настроена, то все пилоты превратятся в простых наблюдателей. И столь оберегаемый проект Т-120 (или, иначе, прототип истребителя шестого поколения) окажется финальным аккордом для пилотируемых полетов. Человек будет даже не придатком компьютера, а ненужной частью, оставленной как дань традиции, не более. И канет в Лету моя мечта. Хотя был и запасной вариант в виде недавно купленного и тщательно реставрируемого Як-3. Уйду из армии и буду летать на нем.

Пожалуй, то немногое, за что я благодарен отцу, – я участвовал в полетах тест-команды Т-120. Остальные пилоты были минимум в два раза старше. И если бы не его связи, никогда мне не попасть в их число. Самые счастливые полгода моей жизни, оборванные нелепым назначением на лунную базу, будь она неладна!

– Дмитрич. – Характерный акцент, как и желание подстроиться под неформальность общения, делал из Генриха настоящего шута. О чем я постоянно ему напоминал. Чистокровный немец, он выглядел безмерно глупо, пытаясь называть всех по отчеству. – Я только что от герра полковника. Он просил тебя зайти через полчаса.

– Генрих, со мной можно говорить по-немецки, ты не забыл? – Вытащив один наушник, снижаю скорость дорожки на шаг.

– Никак нет! – Доведет он меня до истерики когда-нибудь. – Я не забыть! Но сейчас у станции русский начальник. Это есть вежливо – говорить на языке шефа. – А по мне, без разницы, ведь два языка имеют одинаковый статус. Мы уже девять лет как одно государство. Сбывшийся кошмар англосаксов – Русско-Германская Федеративная Республика.

– Хорошо, ты меня предупредил. Спасибо. – Чего он ждет? Стоит и голубыми глазищами хлопает. Его бы с сестрой познакомить, та всегда особо благоволила к белокурым бестиям. – Генрих, иди по своим делам, а? Я тут музыку слушаю. – Демонстративно вставляю наушник обратно и переключаюсь в режим бега. Ариец, видимо, пытается что-то сказать, но, видя мой полный игнор, следует совету и уходит.

---

[3] **АБУП** – автоматический блок управления пилотажем.

Чего он от меня хотел, я примерно представлял. Но помогать ему решать разногласия с его начальством через своего отца не хотел. Да, понимаю, он пилот от Бога, лучший из всех, кого я видел. И нелепое снятие его с проекта полета к Иво – не более чем интриги. Но мне-то дело какое? Он мне не друг и не товарищ. Да, было дело, жизнь спас, когда после прыжка у меня не раскрылся парашют. Умудрился же меня догнать в затяжном прыжке и сцепиться, приземлив двоих под одним куполом. Надо будет так же прыгнуть, сделаю это, не раздумывая ни секунды. Но разговаривать с отцом – ни-ко-гда.

Звучат финальные аккорды Вагнера. Обидно, почти получилось «взлететь», конечно, только в фантазии. Место четвертого пилота станции надежно отсекало меня от любого штурвала. Пятое колесо в здешней телеге – вот кто я. Пора было идти на разнос к начальству. А то, что полковник Смолов вызывает меня для «пропесочивания», не сомневаюсь.

– Лейтенант Стрепетов прибыл. – Входная дверь личного кабинета начстанции плавно и бесшумно исчезает в переборке.

– Входите, лейтенант.

Когда смотришь на полковника, всегда всплывает ассоциация с морем. Что-то есть в его личности, что делает его похожим на капитана корабля, бороздящего океанский простор. Белоснежный китель ВМС смотрелся бы на нем гораздо уместнее черно-синей формы КФФ[4]. Может обветренное лицо и несмываемый загар, так отличный от того, что можно получить под искусственными лампами местного солярия, делали сходство с морским капитаном столь разительным?

– Проходи, садись. Смотри. – Он демонстративно разворачивает ко мне монитор и активирует одну из команд. – Понимаешь, что я сделал?

– Так точно! Отключили все системы наблюдения и записи в этом кабинете. – Точнее, он так думает, что отключил. Но, зная своего отца, могу точно сказать, этим самым он только привлек еще большее внимание дублирующих скрытых систем.

– Именно. Это неформальный разговор.

Начинается… Уважаю Смолова, он из тех, кому плевать на то, чей я сын. Для него работа важнее всего. Но сколько неприятностей это мне преподносит!

– Я понять, герр полковник. – Пародирование немецкого акцента – моя коронная фишка.

– Я давно отчаялся понять! – Ну зачем так багроветь? Нервы нужно беречь. – Как у такого великого человека, как твой отец… – А вот этого не надо! За свою жизнь я слышал подобное миллион раз! – …может быть такой сын?! Зачем ты опозорил Терещенко? Руки зачесались?

– Вам бы психоаналитиком работать, герр полковник. Очереди были бы!

А не пойти ли ему по всем известному адресу? Прекрасно же знает о моем нежелании вообще тут находиться, не только в этом кабинете, а вообще на Луне.

– Отвечать на вопрос!

Н-дя, видимо, я его чем-то довел до ручки. Кричать-то совсем необязательно.

– Никак нет, не зачесались! Забыл про спутник связи. – Меня еще никто не поймал на прямом вранье начиная с моих пятнадцати лет. Поневоле научишься лгать так, что комар носа не подточит, когда за тобой с яслей следят десятки камер и отборная группа специалистов по анализу поведения.

– Тебя в плен если возьмут, умрешь героем. – Молодец полковник, держит себя в руках. – Ни один секрет не сболтнешь! И не потому, что стойкий, а потому, что не знаешь ни-че-го!

– Так точно, герр полковник. Умру героем, не посрамив отцовского имени!

---

[4] **КФФ** – Космический флот Федерации.

Ха три раза. Тебя, конечно, готовили читать лица. Ну и что видишь?

– У тебя в деле пометка для психологов – игнорировать невербальные сигналы. – Это когда успели внести такую поправку? – Так что не пудри мне мозги. Но я тебя вызвал по другому поводу.

Это понимать как «разнос окончен»?

– Слушаю.

Наверно предложит запереться на два дня в каюте и не высовывать носа.

– Ты же не желаешь топтать грунт?

Выходить на поверхность? Конечно, не хочу! Тот, кто хоть раз мерил тяжелый скафандр, от подобных желаний сразу избавляется. Если, конечно, не фанат внеземелья.

– По возможности рад был бы избежать такой участи.

– А у меня разнарядка. Обеспечить тебе в личном деле галочку «участвовал в работах вне станции».

Ну екарный бабай, опять лизуны. И сюда добрались со своим подхалимажем.

– Так поставьте эту галочку, а я потом подтвержу, что выход был.

Сегодня полуфинал чемпионата мира по регби. Не хочется пропустить из-за такой нелепости.

– Значит, так, а теперь серьезно. Мне абсолютно плевать на твои желания. Ты меня понял? – Киваю, вот черт, он серьезен. – Надо будет, прикажу связать и на тачке катать вокруг станции. Понял?!

– Так точно…

«Герр полковник» лучше пропустить, он явно на грани, и за ним не заржавеет исполнить угрозу.

– Так вот. Обломки, замеченные ноль седьмым во время твоего дежурства, идентифицированы. Это части японского спутника двенадцатого года. – Рухлядь, чем она интересна? – На нас вышли представители фирмы-разработчика. Просят доставить обломки на Землю.

– Зачем им это?

– Не нашего с тобой ума дело. Но, видимо, сумма, предложенная за эту «услугу», впечатляет. У меня приказ доставить эти запчасти на базу. Туда направится трак[5] с техниками, вести его будет Терещенко.

– В грузчики записать хотите?

– Хочу с тобой договориться полюбовно. – Неожиданный ход. – По одному из пунктов инструкции в таком случае возможна посылка двух траков. Ты поведешь запасной, без персонала. Согласен?

– Я проходил подготовку, справлюсь. – Это будет поинтереснее полуфинала.

– Через два часа машины будут готовы. Можешь идти, больше не задерживаю.

– Хорошего вечера, полковник.

– Спасибо от тебя я не дождусь? – Он и правда считает, что оказывает услугу, смешной.

– Сегодня матч Австралия – Новая Зеландия. – Напускное страдание попадает в цель.

– Ну ты и расп…! Вон отсюда! – Скрывая готовый прорваться наружу хохот, я поспешно удаляюсь.

У меня как раз есть время принять душ и даже вздремнуть полчасика. Больше всего на этой станции раздражает постоянная экономия воды. Чтобы постоять под падающими из-под потолка струями, надо записываться за несколько часов. Но предстоящий выход на поверхность автоматически дает право плюнуть на всех записанных перед тобой и пойти первым. Не воспользоваться этим шансом глупо…

– Вам удобно? – Русский этого немца намного лучше, чем у Генриха.

---

[5] **Трак** – управляемый лунный модуль повышенной вместимости.

– Минх, ты правда считаешь, что в этом вообще может быть удобно кому-либо?

На Земле скафандр, в который я облачен, весил бы около сорока кило. Тут, конечно, намного меньше, но чувствовать себя как неповоротливая улитка в чужом панцире неприятно.

– Конечно! Это же последняя модель, его эргономика совершенна!

Тьфу, ну кому я объясняю? Для техника он и правда удобен. Но управлять траком в этих перчатках будет мучением.

– Все хорошо, Минх, мне удобно. Спасибо за заботу.

Юмора он все равно не поймет, характер такой, пусть занимается другими делами.

Теперь пришел черед тестирования. Несколькими кабелями мое облачение подключили к компу и начали прогонять различные режимы встроенного оборудования. Закрыл глаза, чтобы не видеть мелькающие в бешеном хороводе командные строки по дисплею лицевого щитка. Надо же, у меня получилось заснуть стоя – такого не случалось со времен учебки. В сознание меня привел стук по «забралу».

– Капитан Терещенко, лейтенант Стрепетов готов. Все оборудование работает в штатном режиме.

Формализм – лучший способ скрыть, что ты спал.

– Слушай меня, чудило! – Шепот капитана намекает на его, мягко говоря, недовольство мной. – Едешь след в след, повторяешь все маневры. Дистанция двести метров. До цели сто двадцать кэмэ. Если выкинешь какой фортель, я тебя закопаю. Надеюсь, я доходчиво изложил?

– Очень сумбурно, как всегда. – Его кулаки в этих перчатках смотрятся просто гигантскими. – Но я тебя понял.

– Таких, как ты, надо было воспитывать розгами, тогда был бы толк! А не этими новомодными приблудами детских психиатров.

Возможно, он и прав, но невероятно жесток ко всем, а главное, к самому себе. Мой отец, увы, проявлял безмерную слабость по отношению к сыну.

– Не психиатров, а психологов. Это раз. – Неужели не понимает, это же две разные профессии. – И в первом чтении две недели назад прошел законопроект «О физическом воздействии». В качестве эксперимента выбраны три площадки: Суворовское, Нахимовское и Первое Берлинское училища. Это два. Так что твои мечты, возможно, скоро сбудутся.

– Они опоздали на десять лет – тебя уже не исправить. Все, закончили, пора. – И, включая связь, обращается к техникам, которые должны ехать с нами.

Топ-топ-топ – приглушенно бухают по металлу ангара тяжелые ботинки скафандров. Ну и мне пора занять свое место. Шлюз, декомпрессия, вперед. Траки – сумасшедшая конструкция, у них открытый корпус, только металлические дуги защищают от возможной аварии. Закрытого корпуса нет. Место водителя, или, как принято называть у нас, пилота, находится прямо над первой осью, а всего этих осей три. Удивительно проходимая машина. Способная к тому же с разгона прыгать метров на десять, разумеется только на Луне.

Ремней безопасности, привычных земным водителям, тут нет. Скафандр напрямую крепится к спинке водительского кресла, в нем есть специальные зажимы. На траках нет даже вынесенных консолей, мониторов и прочих датчиков, вся информация передается прямо на «забрало» пилота, только два джойстика управления вынесены на подлокотники кресел. Когда человек видит эту конструкцию первый раз, то ему кажется, что это обман и перед глазами не лунная машина, а изрядно увеличенный плод сборки детского конструктора.

Хорошо, что мой трак, синий два, тестировал Генрих. У нас очень схожее телосложение, и дополнительная подгонка не требуется. Запускаю тесты. Конечно, техника проверена

не раз, но привычка, как говорят, вторая натура. Электрика… – в норме, энергетика… – аккумуляторы полны, ходовая…

– Стрепетов! Опять спишь?! – Черт, синий один уже выезжает с территории базы.

– Никак нет, тестирую!

– Отставить тесты. Пристраивайся в хвост.

– Но…

– Выполнять!

И не поспоришь. Отключаю тест и аккуратно даю тягу на переднюю ось. Первый двигается со скоростью не выше десяти километров в час. Нагнать и занять предписанную дистанцию успеваю. Сколько ахов и охов я слышал от других: «лунный пейзаж, лунный пейзаж», «ах, какая красота»… По мне, так унылая серость, разнообразие вносят только диск Земли да «миллиарды» рассыпанных по небу звезд. Это красиво, да. Но сейчас приходится смотреть на скучную серую поверхность.

– Прием, синий один – синему два. На удалении километра от базы увеличиваем ход до сорока кэмэ.

– Синий два – синему один. Приказ принят.

С такой скоростью я не успею посмотреть матч, но Терещенко рисковать людьми не будет, разгоняясь сильнее.

Плавный ход сменяется тряской, стоит увеличить скорость. Тут, увы, не автострада Москва – Берлин, а поверхность иной планеты, «облагораживать» которую пока никто не собирается. Руки постепенно привыкают к управлению, и есть время оглядеться…

– Синий два, это синий один. Прием. – Оживает динамик, когда мы уже находимся на полпути к цели.

– Прием. Тут я. – Это ближняя связь, необязательно соблюдать военную субординацию.

– Тут он, шутник, на мою голову. – Ничего, потерпи, осталось меньше двух суток меня терпеть. – Слушай приказ. Выполнять мои маневры в точности. Как понял?

– Понял отлично. Есть выполнять все маневры ведущего. – Что он задумал?

Головной трак резко ускоряется, отклоняясь от проложенного маршрута. Это еще что за изменения? Но думать некогда. Все внимание на поверхность и «газ в пол». Индикатор скорости на «забрале» отсчитывает шестьдесят пять километров в час. Предел для трака. От, ё-о-о-о, предел-то в штатном режиме! Терещенко же включает форсаж на синем один, резко уходя в отрыв. Гонки по Луне? Он что, хочет напугать меня, бывалого стритрейсера?[6] Кукиш. «Вы уверены, что хотите активировать форсаж? Да/Нет». «Да». Все двенадцать колес врываются в грунт, толкая машину вперед.

Что он творит?! У него же люди в кузове! Головной трак «взлетает» на природном «трамплине» мелкого кратера, чтобы через несколько секунд грузно опуститься на противоположном склоне и продолжить движение, не снижая скорости. Вот чудак, зачем так выпендриваться передо мной? Или это приказ утереть нос сопляку, то есть мне? Моя машина легче, в ней нет пассажиров. Без тени сомнений вжимаю активацию реактивных ускорителей. У-у-у-ух-х-х! Классное ощущение, когда колеса отрываются от поверхности! Но трак неожиданно теряет остойчивость и начинает в полете клевать носом. Е! Проверка балансировки идет после ходовой, и провести ее я не успел. Теперь придется расхлебывать. Единственное, что успеваю, – подать тягу на находящиеся под креслом пилота ускорители.

Трак должен удариться о Луну передней осью и всей своей массой, но там огромный запас прочности, волноваться не о чем. Потом останется только сбросить скорость и выровнять машину. Однако как только колеса врезаются в грунт, по ступням проходит не только

[6] **Стритрейсер** – любитель уличных гонок на автомобилях.

удар, но и вибрация, а затем раздается хруст. Трак встает на попа и несколько раз переворачивается в полете. Хорошо, что прилуняется удачно, на колеса.

– Синий два! Синий два! – Меня уже полминуты вызывает Терещенко, но в голове шумит, а по лбу течет что-то густое. Кровь, не иначе. Надо благодарить конструкторов, придумавших надежное крепление пилота к креслу. Не будь его, лететь мне метров сто, а потом пропахать носом Луну.

– Синий два на связи. У меня авария.

– Стрепетов, ты цел? – В голосе неподдельное участие.

Окидываю взглядом результаты меддиагностики.

– Цел, капитан, цел. Максимум ссадина на лбу и легкое сотрясение.

– Хорошо. Что с траком?

– С траком п…ц. – Понимаю, что идет запись, но меня всего трясет.

– Насколько я понял, далее двигаться самостоятельно ты не сможешь?

Не ожидал, что он не обратит внимания на мое выражение.

– Трак сильно поврежден, нужен буксир.

– Сам угробил машину, сам и докладывай на базу. А я поехал дальше. – Что за хрень?! Так просто меня тут оставить?

– Синий один, это синий два. Прошу взять меня на борт.

– Отказано тебе, Стрепетов, отказано. Проси станцию о помощи! – Куда подевалось недавнее сочувствие? Терещенко явно зубоскалит и потешается. Скотина.

– Я напишу рапорт!

– Твоей жизни ничто не угрожает. Жизнеобеспечения хватит на сутки. Рапорт отклонен. Кукуй тут, лейтенант. И освободи частоту. Это приказ.

– Есть освободить частоту. – Откуда столько ненависти?

Хорошо что застежки, скрепляющие скафандр и трак в одно целое, не повреждены и с коротким щелчком выпускают меня на волю. Надо осмотреть повреждения машины перед докладом на станцию. Н-да… Передняя ось сломана на три части. Как такое возможно? У них же должен быть пятикратный запас прочности! Именно из-за этой поломки я и не включаю передатчик дальней связи.

– Лейтенант, мы слышим вас. – Уф, хорошо, что сейчас дежурит Саныч, пожалуй, единственный на всей базе, кто относится ко мне нормально. Мы с ним почти подружились на основе общего увлечения регби.

– Трак попал в аварию. Включаю передачу телеметрии.

– Об аварии мы в курсе. Синий один доложил. Рад, что ты не пострадал. – Спасибо тебе, Саныч. Забота – как раз то, что мне сейчас надо. – Есть, пошла телеметрия, принимаю.

– Как там, полкан в ярости?

– Я тебе покажу полкан! – Вашу ж да через плечо. У меня явно тряхануло мозги. Конечно, Смолов слушает мою передачу. – Вернешься, молись, чтобы трак можно было восстановить. Лихач, выпендриться решил. Те два дня, что тебе тут остались, я превращу в твой личный ад!

– Но, полковник, я только следовал приказам капитана Тере…

– Отставить пререкания! Слушай приказ. Ждать возвращения синего один и по возможности притащить разбитый тобой трак на базу.

– Приказ принят.

– Отбой. – Жду пару минут.

– Саныч, ты еще на связи?

– Да, Димыч.

– Слушай, а составы на матч уже известны? Ругер выйдет на поле?

– Что!!! – Даже с такого расстояния меня перетряхивает от рева полковника. Я-то думал, что он ушел из блока связистов. – Ты, шут гороховый, совсем обнаглел?! Решил, если отец глава департамента безопасности Федерации, то все тебе позволено? Григорян, отключите лейтенанта Стрепетова от связи!

– Но полковник, он там один… – Саныч пытается за меня заступиться. Молодец!

– Отключить, я сказал! Оставить только передачу по техканалу. Исполнять!

– Извини, Димыч… – Горький шепот – последнее, что слышу. Индикатор связи гаснет.

Самое грустное, винить-то, кроме себя, некого. Сам всех настроил против себя. Слишком выпячивал нежелание находиться на Луне. А ведь на мое место на этой базе очередь до горизонта, у многих есть друзья, желающие сюда попасть, ы-х-х-х. Как там говорил батя: «Запомни, ты не пуп земли!» Очередной урок в жизни, который ничего не изменит. «Не можешь учиться на чужих ошибках, учись на своих». Беда в том, что и этого таланта я лишен. Ошибки, синяки, удары судьбы не учат меня ни-че-му, таким, наверное, уродился.

Так что же на самом деле случилось с передней осью? Анализ систем после аварии показал – подобный удар не мог привести к разрушению, ось должна была выдержать. Значит, мои выводы были верны. Визуальный осмотр ничего не показал – следов преднамеренного вмешательства не нашлось.

Эх, Дмитрий Васильевич, воспитал ты из сына параноика. Первое, что пришло в голову, – меня пытались убить, очередное покушение. Но подобная мысль не выдерживала никакой критики. Во-первых, слишком сложно. Во-вторых, не гарантирует успеха. Есть еще и в-десятых, но хватит и первых двух – так не покушаются.

Но то, что меня подставили, это факт. Неожиданная «доброта» полковника и попытка договориться. Как он мог вообще мне доверить управление траком при его ко мне отношении? Потом неожиданное поведение Терещенко, его бешеная езда. Нет, жизнями находящихся в траке он не рисковал. При полной исправности машины пилот его уровня не рискует ничем, абсолютно. Компьютерный анализ, конечно, покажет какой-то процент возможной катастрофы, но реально гарантия полная. Но зачем он это вообще делал? Вопрос: знал ли капитан, к чему приведут его маневры? Или его использовали втемную?

Авария случилась потому, что я не знал о состоянии ходовой и «развесовки» машины. А не знал по причине того, что данные, полученные от техников, говорили «все в норме», свое же тестирование провести не успел. И прервал меня в этом не кто иной, как Терещенко, чрезмерно быстро покинувший станцию. Девять из десяти – капитан прекрасно знал, почему он так делает.

Но убивать меня никто не желал. Неподдельным был испуг синего один, когда он вызывал меня после аварии. Провести бы сейчас компмоделирование этой ситуации! Но логика подсказывает: моей жизни ничто не угрожало, полученная ссадина – максимальное из возможных повреждений. Но зачем все это, вот вопрос так вопрос. Такая сложная комбинация явно не для того, чтобы насладиться унижением моей скромной персоны. Смолов – человек разумный и не пошел бы на поводу своей неприязни по такой мелкой причине. Тут что-то другое.

Что знаю точно? Один факт – трак, которым я управлял, был неисправен. Причем не мелкий дефект, а что-то было не в порядке с материалом передней оси. Заводской брак, не иначе. Прибыл этот трак на базу на том же челноке, что и я. Получается, он был принят на станции, и, скорее всего, кто-то из техников поставил галочку «все в порядке», проведя только поверхностный осмотр. А полковник подписал акт приемки не глядя.

Халатность, не более. Но сейчас простая халатность расценивается даже хуже, чем саботаж. Армия и прочие структуры сильно меняются в последнее время. По мне, так в лучшую сторону, всеобщее разгильдяйство достало даже такого раздолбая, как я.

Следующим начбазы через три месяца станет немец, а их скрупулезность и дотошность не зря вошла в поговорки. И ошибка с траком всплыла бы наружу. И господин полковник наряду с главным техником получил бы жирную черную кляксу в личном деле. Не говоря уже о заводе-изготовителе и персонале на Земле, ответственных за техническое состояние лунных машин. Лунная база, передовой проект объединения, знамя Федерации и главная гордость. Из-за такой мелочи, как неисправная ось, полетели бы многие головы.

И тут подворачивается идеальный кандидат-раззява, на которого можно все это списать, то есть я. Лучше не придумать. Сыночек САМОГО, ему все равно ничего за это не будет, да и определенную известность своим лихачеством заслужил по праву. Скорее всего, даже отметку в личном деле не поставят. Наверняка, когда сцепят траки для буксировки, «потребуется» снять ось и бросить тут, почти в ста километрах от базы. И дело закрыто. Трак поврежден из-за недостаточной квалификации пилота. Пилота, которому все равно начхать на различные черные метки. Ну напишу я рапорт, что это изменит? Терещенко легко «отмажется», придумает мотивацию своим действиям, а скорее уже все продумано. Данные будут немного изменены, единственным виноватым во всей истории останусь только я. Одно только слабое место у всей истории: а вдруг пожалуюсь папеньке? Но полковник изучал мое личное дело, причем там был даже психологический «портрет» личности. Получается, Смолов прекрасно знал – к отцу я ни за что не обращусь. А по прибытии на станцию меня точно запрут в каюте на оставшееся до прилета челнока время, и «дело закрыто».

Через час изучения последствий аварии безбожно заскучал. И почему я не фанат Луны? Она вызывает у меня исключительно позывы к зевоте. Пойти погулять, что ли? Камеры, установленные на траке, разбиты, а даже если они работают, кому какое дело, чем я тут занят? До приезда синего один предоставлен самому себе.

Ох, мурашки по спине. А ведь если подумать, это, наверное, первый случай за всю жизнь, когда я по-настоящему один! На Земле всегда под колпаком служб, на лунной базе все под этим колпаком. Это что за странное чувство? Как ни горько признаваться, но мне страшно от этого одиночества. Не от внеземелья, а оттого, что один. Я, который, падая с нераскрытым парашютом и считая, что уже труп, не боялся, сейчас трясусь крупной дрожью испуга.

– Саныч! База! Капитан Терещенко! – Не реагируют индикаторы связи. – Да отзовитесь хоть кто-нибудь!

Тишина… она обступает и душит. Надо срочно себя чем-нибудь занять, отвлечь. Ходьба по кругу не принесла желаемого результата, не отвлекает как-то.

– Вашу мать! Поговорите со мной! – Неужели и правда мой передатчик заблокирован? – База, база! Вижу инопланетный корабль! Тут НЛО!

Тьфу, раз на такое не ответили, то точно заблокирован полностью. Конечно, ничего я не вижу, кроме песка и холмистой лунной поверхности, нагло вру, только бы услышать ответ. Синий один вернется не раньше чем через три часа. Да я с катушек слечу за это время. Успокоительное, в аптечке скафандра должно быть успокоительное! Листаем каталог, быстрее, еще быстрее. У меня что, клаустрофобия развивается? Похоже на то, жутко не хватает воздуха, но индикаторы показывают норму. Да и все в норме на самом деле, это шалит разум. Димыч, возьми себя в руки! Вот! Нашел успокоительное, код восемнадцать дробь два. «Точно хотите ввести данный препарат? Да/Нет?» Конечно же да! «Телеметрия в норме. Отказ. Требуется подтверждение с базы на ввод препарата. Запросить? Да/Нет?» Изгаляется? «Да». «Запрос отправлен. Ждите…» И через минуту: «Время ожидания ответа истекло. Ответ не получен. Отказ в вводе препарата». СВОЛОЧИ!

Мысли идут по кругу. Надо себя занять, хоть чем-то, но занять! Топтаться на месте не выход. Пойду по следу первого трака. Глупо жутко, но съехать с катушек не хочу. Через три часика мне включат связь и найдут очень быстро. От следов колес, оставленных в лунном

грунте, меня отделяет всего метров сто и маленький холмик. Выйду на «колею» и пойду. Принятое решение подействовало лучше любого успокоительного препарата. Даже начал напевать:

Зеленою весной под старою сосной
С любимою Ванюша прощается.
Кольчугою звенит и нежно говорит:
– Не плачь, не плачь,
Маруся-красавица…

И мне как-то все равно, что трак зовут не Маруся, да и плакать он не может по определению. Никто же не слышит, могу орать, что в голову взбредет. На вершине холмика задерживаюсь оглядеться. А когда решаю продолжить путь дальше, понимаю, что не могу! Мои ноги по щиколотку утонули в грунте. Что за на фиг?! Попытка освободить хоть одну ногу не приводит к успеху. Меня только еще больше затягивает в «песок». На Луне же нет зыбучих песков! Да и при такой силе тяжести должен выбраться без проблем. Но не получается! «Активация экстренной связи!» – «Вы уверены? Да/Нет?» – «Да!»

– База! Вызывает лейтенант Стрепетов. Внимание! Красный код! Повторяю. Красный код!

– Димыч, что происходит? – Саныч чуть ли не заикается от волнения.

– База, меня затягивает в лунный грунт. Уже по пояс!

– Переключаю на начальника станции!

– Докладывайте, лейтенант. В чем причина активации экстренного канала связи?! – Ого, всего полминуты прошло. Смолов реагирует быстро. «Красный код» это не шутка. За его активацию без повода – мгновенное увольнение и «волчий» билет.

– Меня затягивает в грунт. Аналог зыбучих песков. Выбраться самостоятельно не могу.

– Лейтенант, без паники! Раскиньте руки и попытайтесь лечь на грунт всем телом. Увеличьте площадь, ослабив тем самым давление.

– Уже пробовал, не помогает. Погружение ускоряется, уже по грудь засосало!

– Оставайтесь на связи! Я посылаю запрос на Землю!

– Поздно, полковник. – Песок уже наполовину закрывает забрало. – Запишите последнее.

– Отставить панику! Держись, Стрепетов! Слышишь? Держись!

– Запись в протокол. Во всем виноват я сам, самовольно отлучившись с места аварии. Повторяю, в произошедшем виноват только я один!

– Стреп…

Песок скрывает скафандр полностью, связь обрывается, а мое сознание внезапно гаснет.

Легкая судорога пробегает по телу. Будто кто-то включает рубильник, и я прихожу в себя. Не открывая глаз, понимаю, что лежу абсолютно голым на шершавом, теплом полу. Не связан и не обездвижен, сквозь веки различаю тусклый свет. Самое странное – это гравитация, по ощущениям примерно один жэ. Как такое может быть, я же на Луне? Или уже нет? Чуть-чуть приоткрываю веки.

Во-первых, я один, никого больше рядом нет. Во-вторых, нахожусь в сильно вытянутом помещении, скорее всего это широкий коридор. Стены, пол и потолок созданы из однотипного на вид материала голубовато-розового оттенка. Источник освещения с первого взгляда найти не получилось.

В пяти местах стены помещения имеют проемы, закрытые какой-то блекло светящейся субстанцией. Один проем в узкой части коридора и по два с боков. Где же я? Похоже дошутился про НЛО, аукнулся мне этот стеб.

– Есть кто живой? – И тут же поправляюсь: – Или неживой. Меня кто-нибудь слышит?

Ноль эффекта, даже эха нет. То, что я нахожусь в созданном не человеком месте, сомнений не вызывает. И не только гравитация «виновата», управлять которой земляне пока не научились. Просто то, что меня сейчас окружает, вызывает иррациональное отторжение и какую-то чуждость.

– Хозяева! Ау-у-у! Ваш гость проснулся! – Или не гость, а пленник? Ведь в гости обычно приглашают, и не так, как произошло. Больше и впрямь похоже на похищение. – Встречайте хлебом-солью.

Осторожно поднимаюсь на ноги. Самочувствие вроде в норме, ничего не болит, только ссадина на лбу немного чешется. Ловлю себя на том, что ладони стыдливо прикрывают пах. Инстинкты, приданные людям цивилизацией, действуют впереди мозгов. Толку от моих рук. Если уж меня лишили скафандра и белья, то сто процентов изучили и рассмотрели все, что хотели. Только где эти кто-то или что-то? Почему не отзываются? Почему не идут на контакт?

– Я пленник? Заключенный? Ответьте!

Тишина. Много раз представлял себе контакты с чужими, в детстве сильно увлекался фантастикой. Но то, что происходит сейчас, выходит за рамки фантазий. Может, меня до сих пор изучают? Тогда им достался не лучший экземпляр человеческого вида. Черт, надо же «держать марку». Выпрямляю спину и успокаиваю дрожь. Хорошо, что температура в помещении около двадцати четырех по Цельсию. Иначе замерз бы к черту. Да и пол вроде с подогревом или изначально теплее воздуха. Кстати, воздух! Я же спокойно им дышу! Очень напоминает тот, к которому привык на станции. Такой же «никакой», без запаха и «живости».

Ненароком меряю шагами свою условную клетку. Двадцать семь шагов вдоль и восемь поперек.

– Где я нахожусь? Вы захватили лейтенанта Космического флота Федерации. Это плохо для возможного дальнейшего контакта. Объяснитесь!

Наверное, никакой дальнейший контакт их не интересует, мои слова канули в пустоту. Поорал еще немного, потом попел песенки – никакой реакции. Думай, Стрепетов, думай! Чем может быть вызвано такое отношение к «пленнику»? Откидываю мысль, что им логика совсем чужда. Иначе вообще тупик. Думай: почему меня держат тут и не идут на контакт?! Может, это испытание? Как мышь в лабиринте? Возможно, проемы – это двери? Или вообще врата в другие миры? А что, фантазия у меня богатая, сейчас такого напридумываю!

С какого проема начать? Даже монетки нет, чтобы кинуть жребий. Начнем по часовой стрелке, с того места, где я очнулся. Может, начальная точка моего тут появления несет смысл? Если это лабиринт, то вполне возможно, что так. Страх пробегает по телу, холодя живот. Черт, мне хотя бы кусочек чего-нибудь, как-то жутко прикасаться к свечению пелены без предварительного эксперимента. Попробовал отковырять кусочек от пола, потом от стены. Мимо – не получилось даже зацепиться ногтем за поверхность. Нигде не видно никаких стыков – ни трещин, ни швов. Помещение что, цельнолитое? Скорее всего, просто неизвестные технологии.

– Я иду в проем! Если что, в своей смерти виню захвативших меня!

На что я надеялся, произнося эту эскападу? Конечно, на ответ, которого не получил. Или на хоть какой-то намек… Но если он и был, то прошел незамеченным. Хм-м, какой палец не жалко, каким из них ткнуть в завесу? Что за глупости, все жалко! Но делать что-то надо, не сидеть же сиднем. Мизинцы, правый или левый, который из вас готов к жертве на благо хозяина? Чешу затылок – такой же атавизм, как и стыдливость наготы. Стоп! Кажется, мизин-

чики, вы еще «поживете». Выдираю волос из шевелюры, которая успела немного отрасти после стрижки перед полетом. Больно, черт! Не густо, двухсантиметровый всего волосок, но «не до жиру». Тыкаю волосом в пелену, тот изгибается и не желает проходить за нее. Заперто или недостаточная жесткость для проникновения? Рано я обрадовался…

Auf Deck, Kameraden, all' auf Deck!
Heraus zur letzten Parade!
Der stolze Warjag ergibt sich nicht,
Wir brauchen keine Gnade![7]

Вперед! И не пальцем, а всем телом! «Делай что должно! И будь что будет!» Ненавижу мучиться и ждать, лучше пусть решится все сразу. Мимолетное сопротивление завесы не задерживает и на долю секунды. Как сквозь легкую паутину прорвался. И едва останавливаю инерцию тела, чтобы не врезаться в стену.

Я в небольшой круглой комнате с бледно-желтыми стенами. Диаметр помещения метра четыре от силы. Резко оборачиваюсь, уф-ф-ф, проход на месте. Ощупываю стены и пол. Жаль до потолка не допрыгнуть: как и в коридоре, он на высоте метров четырех. Тот же уже знакомый материал, только цвет другой. И пусто, никакой мебели, приспособлений, техники – ни-че-го. Вспоминаю один из ужастиков, где каждый раз герои попадали в разные места, проходя в одну и ту же дверь. И места, в которые герои этого кино заскакивали, не всегда были безопасны…

Делаю шаг обратно, других же выходов нет. Повезло, мои страхи оказались беспочвенны. Тот же коридор. А тот же ли? Вроде освещение чуть другое, хотя в остальном совпадает. Опускаюсь на колени и начинаю искать. Примерно через пять минут в ладони лежит брошенный волосок. Коридор тот же, показалось из-за различия цвета стен в первой комнате.

Иду в пелену прохода напротив. План следовать по часовой стрелке забыт. Опять круглая комната аналогичного размера, только стены красноватые. Пустышка. Ан нет! Есть отличие. Из потолка по стене стекает какая-то жидкость прозрачная и без запаха. Видимо, сочится из каких-то мелких пор, трещин наверху не видно. Ручеек так же бесследно исчезает в полу, не образовывая и намека на лужицу, как в губку уходит. Прикоснуться к жидкости опасаюсь. Вдруг яд или какая техжидкость, ну ее…

Синяя комната, за ней зеленая – все как сошли с одного конвейера, отличий нет. Только вот нигде больше не сочится влага по стенкам. Остался последний неисследованный проход в конце коридора. Буду надеяться, что там что-то иное, нежели то, что видел ранее.

Ну да, последняя комната сильно отличалась от предыдущих. Но ничего это мне не принесло. Овальной формы, даже скорее яйцевидной, помещение. Привычных цветных стен нет, точнее, есть, но это или что-то прозрачное как стекло, или сплошной бессегментный монитор во всю стену. За «окном» в безумном хороводе проносятся тысячи тысяч фиолетовых снежинок. Складывается ощущение, что то место, в котором я нахожусь, движется вперед с немыслимой скоростью. Может, и правда уже не Луна, а космический корабль иных?

Но никаких элементов управления не вижу, их просто нет.

– Можно попросить? – Чего мне стоит попробовать? – Отвезите меня обратно и верните скафандр. Мне за него отчитываться.

Может, тут управление, основанное на мысленных командах, и надо не орать и кричать, а сосредоточиться и упорядочить мысли? Где-то я читал про такие виды управления, в раз-

[7] Дословный перевод с немецкого знаменитого марша «Варяг»:На палубу, товарищи, все на палубу!Наверх для последнего парада!Гордый «Варяг» не сдается,Нам не нужна пощада!

влекательных книжках конечно, но вдруг? Надо оставить в голове одну мысль, одно желание. Тьфу, проще сказать, чем сделать. Меня учили йоге, не-э-э, неправильно. Если честно, то меня пытались учить йоге. А так как это было совсем скучно и неинтересно, то результат оказался плачевным. Но что-то в голову-то смогли мне вложить. Надо пробовать.

То ли тут и не «пахло» никаким мыслеуправлением, то ли я ничего не умею, но изменений не было. Целый час попыток пропал даром. Хотя как «даром» – вскоре я понял, что это не самое худшее времяпрепровождение…

Несколько забегов по комнатам в поисках хоть чего-нибудь пропущенного при первом осмотре. Ноль, пустышка. Чего же от меня хотят? Зачем поймали и поместили сюда? Куда летит корабль, если я прав в своих предположениях и это действительно корабль? Спрашивал в разных интерпретациях, но тишина оставалась неизменным ответом.

«Подкатило» естественное. Я пытался сдерживаться как мог, но организм посылал все более настойчивые требования. Когда терпеть сил больше не оставалось, пробормотал:

– Хозяева или тот, кто меня слышит! У людей есть естественные потребности. Нашим организмам необходимо избавляться от отходов жизнедеятельности! Мне нужен туалет!

Внешне ничего не изменилось. Может, в какой-то из комнат появилось что-то похожее хотя бы на ночной горшок? Не могут же «они» проигнорировать подобный запрос! Как оказалось – могут… Впрочем, я сделал все, что мог, я предупреждал… В итоге желтая комната стала еще немного больше соответствовать своему цвету. Не дают горшок, превращу эту комнату в большой туалет. Хорошо пелена в проходах не пропускала запахи – маленькая, но радость.

Жутко клонило в сон. Когда я спал последний раз? Внутренние часы давно сбились, а тут не было ничего, чтобы хоть как-то указывало на время. Глаза слипались, нервное напряжение давало о себе знать. Надо поспать, заставить себя уснуть голым, на полу чужого корабля. Для себя решил называть это место кораблем. В качестве спальни выбрал зеленую комнату. Свернулся калачиком в центре и закрыл глаза. Пригодились самоприобретенные навыки засыпать где угодно и когда угодно, учебка и армия этому учат очень хорошо…

«Я» плыву в невесомости пустоты. Уверен – вокруг вакуум, но дышать «мне» не надо, «я» бестелесный. Рядом со мной плывет множество маленьких «фонариков». «Меня» тянет к ним, как мотылька на свет. Пытаюсь их поймать, дотянуться, схватить. Но у «меня» нет рук. Чем дольше гоняюсь за светильниками, тем сильнее желание поймать, сжать в «своей» несуществующей руке их огонек. Так продолжается долго-долго…

Из сна выкидывает резко. Черт, лучше бы не спал. Чувствую себя не отдохнувшим, а наоборот, будто трактор переехал меня своими гусеницами. Может, сон что-то означал? Но занимает сейчас совсем другая проблема. Бурчит живот, требуя еды. А главное, в горле сухо как в пустыне и очень хочется пить.

– Ау!!! Мне необходима вода. Аш два О. Или что-то подобное. Вода необходима. Без нее я умру. Прекращу функционировать. – Как подобрать слова, не зная, к кому обращаешься? – Умру – значит меня не станет как живого организма. Не станет навсегда! И еще мне надо есть. Еда обеспечивает меня энергией для жизнедеятельности.

Сколько человек может продержаться без еды? Недели две, от силы месяц. А без воды? Три дня – вот максимум, мне отведенный, потому что запрос остался неудовлетворенным. Не материализовались нигде тарелки с едой, не выдвинулась скрытая панель со стаканом воды.

Наверное, меня просто не понимают. Не могут же специально морить голодом и жаждой? Не верю в пришельцев-садистов, точнее, это-то представить могу, но вот пытки жаждой и голодом в исполнении чужих – это за рамками разумного. Может, «они» меня кормят как-то по-своему? Может, «они» питаются энергией, и меня сейчас облучают, не понимая, что

мне надо иное? Черт! Пи-ить! Как хочется пить! Может, корабль летит куда-то, и там меня обеспечат всем необходимым? Это единственная зацепка для сознания. Надо держаться!

Жажда вытягивает силы похлеще любой физической нагрузки. Надо больше спать – чем дольше сплю, тем меньше организм потеет и потребляет жидкости. Мысли все чаще путаются и становятся бессвязными. Спать!

«Я» опять там же, где и в прошлом сне. «Летаю» за «фонариками». Только они теперь больше напоминают светящиеся шары разного диаметра. А вот желание их поймать стало уже навязчивой идеей. Оно заполняет меня полностью. Как чувство жажды в реальности, подменяя ее. Поймать!!! Но «фонарики» ускользают, «я» как тот осел с привязанным шестом, все тянусь за «морковкой». Долго-долго тянусь и так же безуспешно.

– Воды! Дайте попить! Я умираю, вы что, не понимаете?!! – именно с таким криком я просыпаюсь.

Мне уже все равно, что я на корабле чужих. Это ушло на задний план. Одна мысль пульсирует в голове: «Воды!» Найти воду! Долго смотрю на текущую по стене красной комнаты влагу. Нет! Бороться и ждать! Не могут же меня убить! Это нелогично! Но что я знаю об «их» логике, есть ли она вообще? Может, «они» мыслят совсем иначе, настолько по-другому, что привычные человеческие мерки не подходят совсем. Отгоняю эти мысли, хватаясь как за соломинку за фантазию: будто меня везут туда, где все будет. Сон, спасительный сон…

«Я» наконец-то поймал «фонарик»! Он лучится, переливаясь всеми цветами видимого спектра. Любуюсь им, в нем есть какая-то загадка. Всматриваюсь, «щупаю», ничего не могу даже определить, какой он с точки зрения кинестетики. «Я» сейчас лишен тактильных ощущений. «Мне» кажется, «фонарик» что-то шепчет. Как «фонарик» может шептать? Не знаю, но «я» вот-вот пойму его! Язык наполняет влага. Приятно. По горлу пробегает струйка воды. «Я» лижу «фонарик», кажется, он как мороженое, безвкусное, зато тает и дает воду. Пи-ить!!! Хочу затолкать весь светящийся шарик в «рот», но не выходит, и остается только облизывать шероховатую поверхность. Шероховатую?

Черт! Я и правда остервенело лижу, но не «шарик», а стену красной комнаты – в том месте, где по ней бежит струйка воды. Тело обмануло разум. Но надо признать, сейчас мне стало значительно легче. Может, эта «вода» и есть отрава, и я скоро умру. Но пусть от яда, чем безумцем, шепчущем одно слово. Бесцельно брожу по кораблю, в голове нет ни мыслей, ни желаний. Я превращаюсь в сомнамбулу. Два или три раза засыпаю, но проваливаюсь в черноту сна без сновидений… Сколько так продолжается – не знаю: сутки, двое, неделю или месяц? Время уже не имеет никакого значения.

Чем больше проходит времени, тем мне все хуже и хуже. Виновата ли в этом жидкость, которую я периодически прихожу слизывать со стен, или недостаток еды и сил? Не знаю. Затуманенным сознанием понимаю только одно – осталось жить недолго. Уже давно ничего у «них» не прошу. Ушли ненависть за пытки и страх перед смертью. Закончились мои крики с требованиями, отчаяние и угрозы. Хочется только одного – чтобы все уже закончилось…

«Я» за рулем большой фуры. Водитель-дальнобойщик. Грузовик-рефрижератор, которым «я» управляю, мчится по пустынной ночной трассе. В руках у «меня» рация. И «я» как механизм постоянно повторяю: «База! База, ответьте!» В ответ лишь шипение помех. «База, база, ответьте!» И так по бесконечному циклу…

Пока очередной приступ жажды не заставляет проснуться и идти в красную комнату. Не осталось ничего, кроме ожидания, боли и снов. В одних я ловлю светлячков и, поймав, «разговариваю» с ними. Но проснувшись, не помню, о чем был разговор. В других я опять за рулем фуры, остервенело вызываю какую-то базу. Один сон необычен, даже на фоне странных остальных.

«Первый-Я» веду уже привычный грузовик и все так же механически жму кнопку приема на рации. «Второй-Я» сидит рядом и спрашивает:

– Мы уже на месте? Тут ничего нет.

– База так и не ответила.

– И, видимо, не ответит. Ее нет там, где мы помним, что она должна быть.

– Тогда направимся на запасную.

– До нее далеко, а груз вот-вот придет в негодность.

– Мы должны сохранить груз. Его потеря неприемлема с моральной точки зрения.

– Неприемлема, согласен. Но не сама потеря, а его утрата в месте нашей ответственности.

– Поправку принимаю. Но развернуться обратно мы не можем, груз все равно испортится за время обратного пути.

– Здесь неподалеку отмечен… – На коленях «Второго-Я» появляется атлас. – Проект «Ковчег».

– Там можно найти приемлемые условия для функционирования груза.

– Но там мы не сможем гарантировать его сохранность.

– Не можем, но он перейдет под чужую ответственность. Мы только подготовим его к существованию в незнакомой среде.

– И груз станет не нашей проблемой. Я согласен.

– Я тоже. Закладываю новый маршрут.

И опять сны о светлячках. Мне уже не надо их ловить, они сами водят свои хороводы вокруг меня. И что-то поют, все время поют. Иногда кажется, что, даже когда не сплю, слышу их пение и перед глазами мелькают их цветные переливы. Голова пухнет и грозит взорваться. Одно хорошо – чувство голода куда-то пропало. Я читал, что после определенного времени голодовки желание есть уходит. Так оно и есть.

Легкая судорога мне уже неуловимо знакома. Такая же привела меня в себя после потери сознания на Луне. Собираю последние силы в кулак и иду в «стеклянную» комнату. Пройдя за завесу, восторженно замираю. Исчезли летящие навстречу снежинки. Невзирая на, казалось, полную опустошенность, я не утратил возможности удивляться. Корабль висит в открытом космосе. Вокруг невероятное количество звезд. Подобной фантасмагорической картины не увидишь с Земли. Звезды повсюду, их свечение невозможно яркое, и они повсюду, везде. Плотное шаровое скопление! Наверное, оно так и выглядит «изнутри», когда на каждый кубический парсек приходятся десятки, а то и сотни звезд.

Я ошибся, корабль не висит, он движется. Летит к какой-то планете. И чем ближе мы подлетаем, тем больше она напоминает родную Землю. Только вот есть в ней что-то неуловимо неправильное. И чем она ближе, тем четче это ощущение.

Корабль идет на посадку, и приходит понимание. Это не планета, а малый планетоид[8] радиусом не больше двух сотен километров. Но он имеет плотную атмосферу, не менее одной сотой своего радиуса! Как это возможно? Не знаю, но это есть! И я это вижу.

Мягко, без единого толчка замирает корабль на ровной поверхности космопорта. А ничем иным то, что я вижу, быть не может. Круговая площадка занимает около четырех гектаров, ее охватывает полукруг двухэтажного здания странной архитектуры. Кажется, что это замершая волна, которая вот-вот накроет посадочную площадку. Больше разглядеть ничего не успеваю. На долю секунды темнота накрывает меня.

Я лежу на мокром бетоне или на чем-то очень похожем. Идет прохладный ночной дождь. Пересохшими губами жадно ловлю летящие капли. Чужой корабль взлетает, позволяя себя рассмотреть. Вот черт, не врут сказочники! Натуральная летающая тарелка возносится в ночное небо. Нет ни рева двигателей, ни всполохов тяги. То, что его приводит в движение, незаметно и тихо. И куда ты меня привез, корабль-садист?

---

[8] В данном случае имеется в виду малое тело Солнечной системы.

Глава 2

Какое необычное тут небо. Даже ночь и та условна – вполне можно читать газету при свете таких близких звезд, если бы у меня, конечно, была эта газета. Надо подняться. Переворачиваюсь на живот и упираюсь взглядом прямо в тяжелые сапоги перед моим носом.

– Лим, ты смотри! Кого это нам подбросили?

Говорящего можно было принять за робота или киборга. Если бы не непокрытая голова. Все остальное тело заковано в броню. И не в средневековую, а явно в высокотехнологичный доспех. Матовый пластик его ломаных линий топит в себе отблеск далеких солнц. На бедрах две кобуры с очень характерными рукоятками, такие удобно держать, чтобы стрелять в кого-то. Вряд ли оружие пороховое, нет характерных деталей, присущих пулевым пистолетам. Но подробнее не разглядеть. Попытка подняться на ноги тут же пресекается. Второй, тот, кого назвали Лимом, опускает мне на спину свой ботинок, буквально вминая меня в царапающее покрытие посадочной площадки.

– Бид, и правда это что-то новенькое. Ни разу не видел, чтобы вот так выкидывали с кораблей. Голым да на «бетон».

Говорят явно не на одном из языков Земли, но понимаю все прекрасно. Если надо, смогу даже внятно ответить. Знание дал корабль?

– За что тебя сбросили сюда? А, голыш?

– Не знаю. – Громче шепота ничего не получается, горло отвыкло и саднит от сухости.

– Это неправильный ответ, голыш! – Бид хлестко бьет мне по ключице деревянной дубинкой.

Сильно не вяжется этот примитивный способ воздействия с технологией космических перелетов и брони, которая явно опережает земную не на одно столетие. Но мне не до этого, боль молнией пробегает по телу.

– Ты сломал мне ключицу! Ты что творишь, придурок! – Из глаз градом катятся слезы.

– Лим, я не ослышался? Как он меня назвал?

– Придурком, Бид, придурком! – Второй хохочет во все горло.

– Забыл, что такое боль, задохлик? Так я напомню!

Он умеет бить, каждый удар ломает какую-либо косточку в моем теле. А я так ослаб, что не могу сопротивляться. Остается только кричать и выть от боли, захлебываясь слезами. Хрустят пальцы на левой руке, безжалостно раздавленные бронированным сапогом.

– А-а-а-а-а-а!!! Скотина!

– Лим, ты гляди, он не понимает уроков.

Тяжелый удар сзади заставляет забыть о сломанных костях. Боль в паху настолько резкая и всеобъемлющая, что накрывает как цунами. Когда эта волна доходит до головы, спасительное беспамятство укрывает меня. Но не надолго. Что-то льется на лицо, возвращая в реальный мир боли. Злость придает сил: они не поливают меня водой – они мочатся мне прямо на глаза!

– Упфутки! – «Ублюдки» мне уже не выговорить, половина зубов отсутствуют, а губы напоминают две чрезмерно надутые и от этого потрескавшиеся шины.

– Упорный. – Нет, я не упорный, ты ошибаешься. – Извиняться будешь? – Если бы это что-то изменило, я бы в ногах валялся и целовал твои ботинки, Бид. Но я уже мертв, уж это понять могу даже в таком состоянии. Как говорится, травмы, не совместимые с дальнейшей жизнедеятельностью. Несколько ребер сломаны, и одно явно проткнуло легкое – харкаю кровью. Еще пара-тройка минут, и этот ад закончится.

– Возвращайтесь туда, откуда родились! Скоты! – Мне показалось, что удалось произнести это четко.

– Он мне нравится, Бид. А ну-ка, разожми ему рот.

Рука в холодной перчатке сдавливает челюсть, заставляя раскрыть губы. Какая-то чрезмерно сладкая жидкость насильно заливается в меня. Потом меня бросают, оставляя в покое. Все тело начинает безумно чесаться, даже внутри рта.

– Бид, ты не против, если я возьму его себе? Брату на ферме не хватает рук, и холоп ему будет не лишним.

– Он же совсем задохлик, одна кожа да кости!

– Ничего, откормит его Тук. Судя по сложению, раньше он был довольно крепким.

О чем они? Я же умираю! С такими повреждениями не живут.

– Эй, голыш, вставай, дай тебя рассмотреть! – Бид недвусмысленно поигрывает дубинкой.

– Как я это сделаю? Твой дружок сломал мне ноги! – Ого, мой ответ получился связным.

Что происходит? Губы зажили и зубы на месте, да и в теле больше нет боли. С недоумением шевелю пальцами недавно расплющенной руки. Это была какая-то иллюзия? Но в ладонь впивается что-то острое – осколок моего недавно выбитого зуба! Ничего не понимаю!

– Ты откуда свалился на наши головы, задохлик? В тебя влили полную капсулу ивира. Вставай, не морочь нам головы. – Ивир – это то, чем меня опоили? И этот напиток сделал меня вновь здоровым, залечив все переломы, и даже вырастил новые зубы? Это же невозможно!

– Сейчас. – С недоверием поднимаюсь на недавно сломанные ноги. Они меня держат! И грудь не болит, будто и не было пробивших легкое ребер.

– Как тебя зовут, голыш?

– Меня зовут… – Но договорить не успеваю, удар кулаком разбивает губы и сбивает с ног. На этот раз бьют гуманно, ничего не сломано, только чуть кровоточит.

– Опять неправильный ответ. – Он издевается! И это, видимо, приносит ему радость. – Тебя зовут так, как скажу я, и никак иначе! Понял?! – Дубинка в руках Бида описывает круги.

– Что?! – Ярость затуманивает разум, никому не позволено так со мной обращаться!

Мне долго вбивали науку рукопашного боя. И хотя мне это не нравилось, отец все равно заставлял заниматься. Что-то со временем затерлось в сознании, но, видно, некоторые навыки получилось в меня вбить. «Хвост дракона» – перекатом из нижней стойки, подсекая обидчику ногу. Бам! А-А-А! Как по скале ударил! Бид даже не шелохнулся, а я же вложил в удар все силы! Не прост его костюмчик, ой как не прост.

– Хватит игр, Бид! – В мою грудь направлено дуло извлеченного из левой кобуры оружия Лима. – Говори, как хочешь его назвать.

– Берком, ему подойдет это имя!

– Как бешеную собаку бабки Туи?

– Ага! – Это вызывает их общий смех.

Меня в честь какой-то шавки! Но не успеваю даже размахнуться, Лим нажимает на спуск. И тело скручивает в пароксизме дикой боли. Что-то вроде шокера, не иначе. Пока прихожу в себя, вслушиваюсь в продолжение их диалога.

– Лим, ты уверен, что он подойдет твоему брату как холоп? Ведь и правда бешеный!

– Ничего, тот умеет урезонивать таких. Не забывай, он две дюжины лет отслужил стражем.

– Так-то да, но этот задохлик совсем не похож на раба. Явно или флиб, или из благородных. – Бид легонечко толкает меня в бок сапогом. – Эй ты, ты случаем не благородный? Может, за тебя выкуп получить можно?

– Или награду какую, если флиб, – подхватывает мысль напарника Лим. – Рассказывай, кто ты.

– Ничего не помню. – Так я им и сказал – в психушку упекут, за такими не заржавеет. – Очнулся уже тут, а прошлое как в тумане.

– Ты мне голову-то не морочь! Ивир должен был вылечить любые травмы!

– Постой, Бид. Помнишь пастуха Лара? Его как-то бык лягнул прямо по голове. Рану-то залечили, а память… так ту отшибло полностью. Уже три года как прошло, а даже отца вспомнить не может.

– И то верно, было такое. Что ж, нам и легче тогда. Корабль, с которого его выбросили, странный какой-то. Никаких записей в журнале порта не оставил. Будто призрак какой. Отдадим задохлика Туку, а сами скажем, что выкупили холопа у торговцев вчерашних.

– Дело говоришь! С меня два ящика бражки!

– Конечно, куда ты денешься. – Они пожимают руки, подтверждая договор.

В рабство? Меня?! Ну-ну. Я им покажу, какой из меня холоп. Но только чуть позже. Дубинка Бида резко отучила от поспешности, ведь второй капсулы ивира у них может и не быть.

– Вставай, Берк, пошли. Покормим тебя.

– Предложили бы сразу еду, побежал бы не глядя за вами. – Желудок утробно и требовательно урчит. А то, что называют иначе, чем мама с папой, так и не на Земле. Новое место, новое имя. Если бы не в честь собаки, вполне даже ничего имя – звучное.

– Ты гляди, смышленый какой.

Босые ступни не самая лучшая обувь для ходьбы по площадке космопорта. Когда мы подошли ко входу в здание, левая нога уже кровоточила, ободранная о какой-то осколок камня. Дверей не было, их заменяла уже знакомая пелена цветной завесы.

Помещение, в которое вошли, очень напоминало знакомые по Земле залы прибытия в аэропортах. Одна из стен целиком служила каким-то табло, по которому пробегали одинаковые, переливающиеся всем спектром кругляшки. Черт, они же одинаковые все. Сперва я принял их за знаки, возможно иероглифы, но они были одинаковые! А таких букв и знаков не бывает, какой смысл в не отличающихся друг от друга символах?

В центре зала на высоте полуметра от пола висела трехмерная звездная карта. Точкой отсчета, видимо, служило местное солнце. Господи! Сколько же тут звезд! И ведь эта карта явно охватывает лишь малую толику скопления. Сотни полторы светил отражаются в трехметровом шаре. Если приглядеться, то вокруг каждой звездочки на разных орбитах располагаются кучи маленьких точечек. Рассмотреть бы поближе!

– А можно как-то увеличить масштаб? – Ой зря я это спросил, две пары глаз настороженно поглядывают на меня.

– Точно флиб! Может, ну его? А, Лим? На кой нам неприятности?

– Все равно не помнит ничего, а если скажем, что он флиб, то его заберет алькар, причем даром.

– Тут ты прав.

– Так что с масштабом-то?

– Слушай, ты в кого такой умный выискался, а?! – Что это Лим так взбеленился? Простой же вопрос вроде. Чего бесится? – Масштаб ему поменяй. Я что, похож на чтеца?

– Будь ты чтецом, Лим, жрал бы с дорогой посуды, а я был бы при тебе охранником, – хохочет во все горло Бид.

– Заткнись, Берк. Если хочешь жрать, лучше помолчи.

Глядя на тянущуюся к рукоятке шокера ладонь, я благоразумно замолкаю. Черт! Кто такие чтецы, флибы, алькары? Почему речь понимаю, а эти слова лишены для меня какого-либо смысла? Может, по той причине, что нет прямых аналогов в знакомых мне языках и понятиях? Или это совсем непонятные термины, вообще не имеющие ничего даже прибли-

зительно общего с известным мне? Ладно, будет время – разберусь. Если, конечно, у меня будет время.

С трудом отрываюсь от звездной карты. Захватывает она, не то что скупые и серые атласы Земли. Обогнув висящий в воздухе шар, натыкаюсь взглядом на что-то похожее на терминал с жидкокристаллическим экраном. Выглядит как школьный пенал размером два на один, воткнутый вертикально прямо в пол. Кнопок управления не видно. Может, сенсорное? Весь «экран» от пола до верха поделен на двенадцать широких строк. Каждая строка разбита на три графы. И если две правые понять не получается, на них все те же непонятные кругляшки, что и на огромном стеновом табло, то крайняя левая графа притягивает мой взгляд как магнит железо. На ней изображение, двухмерная проекция, находящаяся в непрерывном медленном вращении. И изображены там космические корабли. Ничем иным эти конструкции не могут быть по определению! Слишком иные у них формы, чем у любого механизма, предназначенного для работ на поверхности или в атмосфере. Все двенадцать «кораблей» разные, от размера до форм и раскраски корпусов. Хотя нет, четвертый и седьмой снизу, наверное, однотипны, очень характерный у них обоих обвод носовой части. Различия меж ними есть, но примерно такие же, как между систершипами[9] одного проекта.

– На, накинь. Сегодня теплая ночь, но голым ходить все же не стоит. – Лим накидывает мне на плечи какой-то обрез ткани. На нем масленого вида пятна, и пахнет он едой! Голова начинает кружиться от этого запаха. Ткань очень напоминает льняную. Следую совету и заворачиваюсь в нее как в тогу.

– Что это, Лим? – указываю на то, что принял за терминал.

– Да, крепко же тебе память отшибло. Это журнал космопорта, тут фиксируются последние двенадцать кораблей, совершившие посадку. – Ладонь, закованная в броню, опускается на плечо и легонько сдавливает. Ну как легонько, кости целы будут, но больно! – Если ты врешь, что не помнишь ничего, и тебя будут искать флибы твоей унии, то лучше признайся сейчас. Ростарг – мирная планета, нам не нужны неприятности.

– Не помню, честно. Но вряд ли я флиб. Потому что просто не знаю, кто такие эти самые флибы!

– Вроде не врешь. Совсем не помнишь, кем ты был?

– Точно не флибом и не холопом! – Может, получится, и рабство минует?

– Холопами редко рождаются, ими становятся! – Философ, укуси его за ногу бешеный пес. Стоит лыбится во всю свою широченную и откормленную рожу. – Ничего, Тук – хороший хозяин, зря не обидит. Будешь хорошо работать, очень скоро станешь свободным. – Что в твоем понимании «быстро», не знаю и радоваться подожду.

– Вот этот корабль прилетал последним? – Указываю на верхнюю строчку – изображенное судно ничем не напоминает тот корабль, что меня сюда доставил. Его можно было сравнить с до неприличия разжиревшим бегемотом, а «мою» летающую тарелку – с дельфином.

– Последним был тот, с которого тебя вышвырнули. Но он, как ты видишь, не отмечен в журнале. А тот, на который указываешь, прилетал вчера. Торговцы из местного отделения Лиги. – Разворачивает меня к себе лицом. Черт, он и правда такой сильный или броня оснащена усилителями? – Запомни, тебя сгрузили с него перед отлетом. И продали нам. Понял? – Недвусмысленное у него выражение лица. Если скажу «не понял», будут бо-о-о-ольши-ие-е неприятности.

– Чего ж не понять-то? А Лига разве занимается работорговлей? – Мне не хватает знаний о мире, в который я попал. Катастрофически не хватает! Некоторые вещи на амнезию не спишешь.

---

[9] **Систершипы** – корабли или суда одного типа (одной серии).

– Чудной ты. Лига занимается всем, что приносит деньги. Пошли, Бид уже, наверное, приготовил пожрать!

Лим ведет меня в соседнее помещение. Пройдя пелену дверей, сбиваюсь с шага. Чрезмерно отличается оно от всего виденного ранее. Нет, с точки зрения архитектуры все так же – и материал стен и пола такой же, но… Два ряда по двенадцать пустых ДЕРЕВЯННЫХ (!) кроватей вдоль стен. А в центре помещения длинный, грубо сколоченный опять же из деревянных, плохо обработанных досок стол. И табуреты! Неудобные, без намека на спинку, массивные табуреты!

Как это вяжется с виденным ранее? Космические корабли, обычная гравитация на планетоиде размером с «песчинку» по меркам космоса. Высокотехнологичная броня, шокеры… И тут же рядом примитивная дубинка в руках охраны и почти первобытная мебель!

– О! Скатерть сама пришла! – За центральным столом Бид что-то разогревал в очень похожем на медный котелке. Разогревал на примусе!

– Поедим так, не раздевай парня. – Понятно, откуда пятна на моей «тоге». Укутался в скатерть… – Чем порадуешь?

– Кашей, греча с куриными желудочками.

– Что, опять?! – Лим снимает перчатки, но не бросает их на стол, а аккуратно вешает на пояс.

– Найди что-то другое и приготовь! – Бид в ярости кидает деревянную мешалку на стол.

– Не кипятись, просто третий день одно и то же. Надоело!

– А я поем с удовольствием и кашу! – Честно говоря, и сырое мясо воспринял бы сейчас как пир.

– А тебя вообще не спрашивали. Будешь жрать, что дадут. – А я что, против? Главное, чтобы дали поесть, а что – неважно.

Лим протягивает мне ложку. Вполне обычную столовую ложку, алюминиевую. Бид достает из плетеного напольного ящика металлические глубокие тарелки и с грохотом швыряет их на доски стола. Порция, которую положили в мою тарелку, порадовала своей величиной. Может, кормят тут и не разнообразно, зато дают много.

Теперь надо взять себя в руки. Не дать себе накинуться на еду и судорожно вычистить всю тарелку. Надо есть аккуратно, не торопясь, тщательно пережевывая даже самую мелкую частицу пищи. Не для того, чтобы показать свою «культурность» перед тем, кто пленил, а для того, чтобы желудок не отторгнул еду. После голодовки такое бывает часто, можно даже умереть от переедания. Никогда не думал, что удержаться от жадного запихивания еды себе в рот так трудно.

– Голодал раньше? – А Лим не так прост, умеет подмечать детали.

– Наверное, – отвечать честно себе дороже.

– То и видно. – Собеседник брезгливо заглатывает целую ложку, не пережевывая. Это легко, с его-то пастью. Но, невзирая на вид обычного мордоворота, Лим пугает меня гораздо сильнее, чем его явно сумасшедший напарник-садист.

– А где остальные? – киваю на застеленные спальные места. Не верится, что космопорт охраняют всего двое.

– Наказаны! – Бид ржет во все горло, разбрасывая куски еды по столу и полу. – Четвертый день ночуют под открытым небом с другой стороны посадочного поля. – Тьфу, он смеется, как кабан хрюкает. Противно, но виду показывать нельзя.

– Точно не помнишь, чем занимался раньше? – Лим все продолжает гнуть свою линию, выведывая о моем прошлом.

– Не-а, – как можно более легкомысленно пожимаю плечами, не опуская ложку.

– Лови! – Видно, я и правда сильно ослаб. Кинутый Лимом предмет ударяется о грудь и падет мне в тарелку. Черт! Он бросил в меня шокер!

– Не-э, Бид, он не флиб и не благородный. – Не стесняясь, лезет ко мне в тарелку немытыми руками, возвращая оружие себе. Уф, а ведь будь я в форме и поймай шокер, мог бы схлопотать выстрел из зажатого в руке Лима пистолета. Причем по тому, как поспешно Лим убрал оружие в правую кобуру, видно, это не парализующая игрушка, а что-то более убойное.

– Наелся? – Конечно нет, но знаю, хватит, лучше остановиться.

– Да.

– Руки на стол и не шевелись! – Упс, какой резкий переход. Выполняю приказ под дулом шокера. Бид обходит меня сзади и защелкивает что-то на шее. Сволочи! Они на меня ошейник повесили! – Бери всю посуду вместе с котелком и иди мыть на ручей за портом. Как выйдешь из главного зала, иди прямо. Через сотню шагов упрешься в мелкий песчаный ручеек, там все и отмоешь. Потом возвращайся. Понял?

– Понял. – Засветить бы тебе в глаз, да не кулаком, а кувалдой! Как псину какую захомутали.

– И да, не пытайся бежать. Для потерявших память объясняю! – А вот наклоняться надо мной и орать в лицо, брызгая слюной, можно было и воздержаться. Но Биду нравится ощущение власти, много я таких повидал еще там, на Земле. – Отойдешь от этой штуки, – подкидывает в руках маленький желтый кубик, – дальше чем на пятьсот шагов, будет бобо! – Его взгляд просто просит, чтобы я попытался сбежать, ему на радость.

– Может, не надо, Бид? Парню и так сильно досталось.

– Пусть привыкает, холоп. – Лим не хочет больше спорить и замолкает. – Чего ждешь? – Его рука тянется к дубинке. – Пшел работать!

Ручей и правда нашелся быстро. Драить котелки песком мне не привыкать. Из-за своего характера часто попадал на губу в учебке. А начальник там был зверь, плевать хотевший на мои связи. Наверное, по этой причине батя и отправил меня именно в то училище.

Странное место. Нет, не ручей, а вообще. Что ожидаешь увидеть, выйдя за пределы большого здания через центральные ворота? Уж никак не протоптанную тропинку с пробивающейся зеленой травкой. Где дороги? Черт! Как все неправильно! И трава, она обычная, зеленая, видел такую тысячу раз, но сейчас не вспомню название. Кусты вдоль ручья – это же смородина, дикая, но смородина! А вон клонит ветви рябиновый ствол. Да и кормили меня именно гречей, уж ее вкус я отличу от многих! Что за другая планета, где все так похоже на Землю?

Сейчас главное – не рыпаться. Запихать свой характер глубоко-глубоко в… и ждать. Смотреть, изучать, не торопиться и не пытаться бежать. Не потому, что не могу. Даже не будь на мне странного ошейника, все равно нельзя, потому что некуда! Не вернется за мной это гребаное инопланетное блюдце, чувствую филеем – не вернется.

А потом когда-нибудь все изменится, если доживу. Захватившие меня – примитивы, даже наблюдательный Лим и тот прост как пробка. Неделю-две, и, даже будучи холопом, я бы вил из них веревки. Если уж батя танцевал под мою дудку, то… Да, в этом шанс. Только бы не сорваться, притвориться, как это умею…

– Закончил? – Не успев переступить входную завесу, почти врезаюсь в бронированную тушу Бида.

– Да, все вымыл. – Страх в моем голосе неподдельный. И правда боюсь. Другое дело, что мог бы это скрыть, но ведь ему нравится, когда боятся.

– Дай посмотрю! – Резким рывком вырывает из моих рук котелок. Тарелки удержать не успеваю, и те катятся по шершавому полу зала. Порываюсь поднять, но наливаются красным глаза Бида. – Ты! Ты! Уронил мою тарелку на пол!

– Не специально! – А вот такой ужас уже скрыть не получится при всем желании.

– Ах ты падаль! – Попытку убежать прерывает тычок сапога в колено. А-а-а-а-а! Да что это за броня! Валюсь на пол, ору от боли в раздробленной коленной чашечке.

– Не специально! – кричу, пересиливая боль.

– Я видел! – Раз удар – и трещат ребра, он не достает дубинку, бьет ногами. – Ты! – Правая ступня дробится от его веса. – Сделал! – На грани сознания подставляю плечо, закрывая голову. – Это! – Рука, которою пытался прикрыться, падает сломанной веткой. – Намеренно! – Удар под дых, и я лечу, ударяясь о стену спиной. И благословенная пелена бессознательного укрывает меня.

«Папа, папа, смотри, как я умею!» Я еле дотягиваюсь до педалей газа и тормоза, но уже мню себя героем из гоночной «Формулы-один». «Я как гонщик, папа!» Но отец не обращает внимания, у него какая-то важная встреча с серьезными дядями. Только махнул рукой, мол, вижу-вижу. Ревет мотор карта, быстрее, еще быстрее, оборачиваюсь и зову опять: «Папа, смотри!» Но не замечаю вовремя поворот, и карт заносит, он врезается боком в ограждение трассы…

– Бид, держал бы ты себя в руках. А то доведешь парня, наложит на себя руки и весь сказ.

– Но он бросил наши тарелки на пол!

– Мы с тобой договорились. Он уже мой, а тебе достанется два ящика браги. Или ты хочешь выложить триста шекелей и купить мне нового холопа?

– Не лезь в бутылку, я все понял, сержант.

– То-то, капрал.

Во рту приторно сладкий, уже знакомый привкус. Мои мысли о том, что чудо-эликсир ивир – дефицит, не оправдались. С ним для таких больных и отмороженных на всю голову садистов, как Бид, раздолье. Одна надежда, что Тук больше похож на своего брата, нежели на безумного капрала. А то придется нарушить данное себе самому десять лет назад слово: никогда не думать о самоубийстве.

– Добрый совет – вытри кровь с пола. – Лим протягивает мне руку, помогая подняться. – А то ее вид может совсем снести ему разум.

– Понял, сержант, я все понял. – Угораздило же нарваться на безумца. – На вашей мирной планетке не все такие, надеюсь? – Лучше получить ответ прямо сейчас, чтобы знать, к чему готовиться.

– Еще два года назад он был нормальным. Пока не случился налет унии Гоб. А потом… Бид остался единственным, кто выжил из дежурной смены охраны порта. С тех пор его немного заносит.

– Как вы его терпите? – Это у них принято называть «немного заносит»?! Ну был какой-то налет, но мне от этого не легче. Почему из-за каких-то флибов страдаю я?

– С нами он нормальный.

Что ж, с флибами вроде начало что-то проясняться. Пираты? Нет, иначе я бы понял это слово. К тому же уния – это понятие королевского вассальства, объединение разных государств под одной короной. Или неправильный перевод? Черт! Поймай я брошенный шокер там за столом, Бид бы меня убил. Плюнул бы на триста этих шекелей (интересно, это вообще много или мало) и убил бы. Живу, выходит, в долг, по случайности.

– Что уставился? – Лим занервничал от моего пустого взгляда. Надо не так явно уходить в себя.

– А триста шекелей – это много?

– Мое жалованье сто пятьдесят в месяц, а я сержант. – Хоть и на грани сознания мелькает, что месяц совсем не тот, к которому привык, но понимаю: триста – это много. Не может же солдат в таком вооружении получать среднюю зарплату, ведь не может? Ой ли, я уже ни в чем не уверен…

– Сержант, мне надо отдохнуть. Голова тяжелая и в сон клонит.

– После двойного приема ивира-то? Понимаю. Из зала ни ногой, сейчас принесу тебе матрас.

Очень тянуло осмотреть зал прилетов получше, но голова была как цельночугунный шар, мысли ворочались еле-еле. Помимо матраса, вполне обычного, набитого соломой, Лим принес и набор белья – льняную рубашку, одевающуюся через голову, и шаровары из грубо сотканной ткани. Пристроившись в уголке, свернулся калачиком и, чувствуя себя дворовым псом, пущенным в дом по случайности, уснул. На этот раз без сновидений.

– Эй, Берк! – С трудом понимаю, что будят меня уже почти минуту. – Вставай, нам пора.

– Куда? – От черт! Я же не дома! Сейчас как получу сапогом да меж ребер за вопросы. Тут же вскидываюсь на ноги, но от резкого движения голова начинает кружиться.

– Через десять минут придет транспортер, и мы уезжаем. – Лим придерживает меня за плечо, пока мир не перестает водить свой хоровод вокруг.

– Я могу умыться?

– Да, в знакомом тебе ручье. Помнишь, где это? – Согласно киваю и как сомнамбула, тяжело передвигая ногами, иду к выходу из зала.

Краем глаза отмечаю, что желтый кубик теперь находится у Лима. Прохладная проточная вода несколько освежила, но спал, видимо, не очень долго – все еще стояла ночь. Только сейчас начал осознавать всю неправильность сложившегося положения. Ладно корабль чужих и его странности – их я уже смог принять, не понять и осознать, а именно смириться, принять как должное. Все равно изменить ничего не мог. Но эта планета! Она вызывает страх. Нет, неправильно, не сама, а странности, которые меня окружают с момента появления тут.

– Поторопись! – Крик сержанта прерывает размышления.

– Почему так рано? – Подойдя, показываю на яркие звезды темного неба.

– Вот странный ты, говоришь, как грамотный. – Упс, а это в данном мире достижение? Судя по тону Лима, «грамотный» – это комплимент, а не констатация факта. – Но вот элементарные вещи не помнишь. – Разворачивается спиной и идет к не замеченной мной ранее пелене малого прохода в дальнем углу зала. – Транспорт ходит по расписанию – раз в три часа, и неважно – ночь или день. – Похвальная работа местных служб. Но почему мы поднимаемся наверх по лестнице, а не выходим из здания? По логике транспорту же нужна дорога или?..

– Лим, я задаю много вопросов. В моем новом положении это не наказывается? – Вспоминаю капрала, мурашки страха пробегают по телу.

– Так, объясняю. Холопство в системе Тринат – это не совсем рабство. – Ого, получается, вокруг ближайшей звезды вертится не один такой планетоид. – Да, ты будешь подневольным работником, тебя могут даже убить. Но унижать не будут. – И в чем принципиальное от рабства отличие?

– А это, – тереблю «украшение» на шее, – разве не унижение?

– Это нормально! – Тон Лима становится резким. Инстинктивно напрягаю мышцы, ожидая удара. – Не дергайся так, я не Бид. – Наблюдательный, подметил страх.

Мы вышли на крышу космопорта. В этом месте она была плоской, свет недалеких звезд позволял рассмотреть некоторые подробности. Площадка, на которой мы находились, размером с теннисный корт. Под ногами какие-то знаки, рисунки. Это не символика, скорее обозначения. Оранжевый прямоугольник, восемь на четыре в центре, и широкие желтые полосы, как направления, отходят от него. На одной из таких полос мы и стоим, вторая ведет к выделенному другим оттенком квадрату.

– Что это? – указываю на него ладонью.

– Грузовая платформа лифта.

Не вижу никаких кнопок управления, черт, как все странно, непривычно.

Подойдя к краю крыши, пытаюсь рассмотреть окрестности с высоты. Посадочное поле интересует мало, сейчас оно пустует. Вглядываюсь в ночную полутьму, пытаясь найти дорогу или иной признак цивилизации кроме космопорта. Безрезультатно, кажется, кто-то просто воткнул это сооружение посреди девственной природы. За небольшим полем и лугом начинается густой лес и никаких дорог! Никакой инфраструктуры. Как так? Порт же явно транспортный узел, к нему по определению должны стекаться хоть какие-то пути. Может, конечно, он уже заброшен и не играет большой роли… Возможно, есть и другие посадочные поля на этой планете, а про этот космопорт забыли? Нет, ведь по словам стражей, вчера здесь опускался корабль Торговой Лиги. К тому же не замечаю даже признаков заброшенной дороги. А-а-а-а! Голова сейчас кругом пойдет, не от слабости, а от странности окружающего мира.

– А вот и транспортер. – Я ждал шума, звука, который предупредит о приближении, и ошибся. Уже догадался, что будет воздушный транспорт, не зря же мы поднялись наверх.

К космопорту бесшумно приближалось нечто непонятное. Простая платформа, овал толщиной всего в пару десятков сантиметров и площадью два с половиной десятка квадратных метров. По периметру транспортера тянулось полуметровой высоты ограждение из прозрачного, как показалось, пластика. Я ждал вертолетов, реактивных авиеток, но не примитивную на вид антигравитационную «вагонетку»! К тому же не заметно было никаких рулей, рычагов или иных пультов управления. Она была пуста. Автоматика?

– Отойди от края. – Предупреждение прозвучало вовремя. Воздушный поток от подлетающего транспорта мощно ударил в грудь. Это ж на какой скорости он летел? Беззвучно опустилась платформа на очерченный прямоугольник, ограждение мигнуло переливом зеленого света и исчезло. Вот это техника! – Пошли! – Видя мою нерешительность, Лим легонько подталкивает в спину.

– А что, Бид останется охранять порт один?

– Нет, сейчас остальные стражи уже возвращаются в казарму. – Лим явно не желает, чтобы меня кто-то видел в космопорте, кроме капрала. Ничем иным подобную спешку объяснить не могу.

– Нам обязательно лететь на этом?! – Понимаю, что чужая техника наверняка надежна, но слишком хрупка на вид эта конструкция.

– Мне надо вернуться до вечера. Ты знаешь более быстрый способ передвижения? – Откуда мне его знать?

– Нет.

– Тогда заткнись. Грузовой лифт не активирован, значит, транспортер надолго не задержится. Три-четыре минуты, не более.

И опять чувствую какую-то неправильность. Слово «минута» мне понятно, но оно несет несколько иной смысл, другое количество времени, нежели привык.

– У меня совсем плохо с памятью. Расскажи, как измеряют время.

– Сперва сядь. – Показывает пример, опускаясь на пол платформы. – А то собьет с ног, когда полетим. – Если такое говорит человек, закованный в техноброню, лучше последовать совету. – А время измеряют часами.

– Это я понимаю. – Моя беда – неверно сформулированные вопросы. – Меня интересует другое: вот минута – это сколько?

– Минута – это сто секунд. Тебя, наверное, и правда сильно приложило по голове. Ладно прошлое забыть, но элементарные вещи… – Он удивлен, но подозрения в голосе не слышится. Главное – это слово «секунда», оно не вызывает отторжения, похоже, точное совпадение с известным мне.

– А дальше? Сколько минут в часе, сколько часов в сутках? – Надо пользоваться моментом, пока Лим разговорчив.

– В часе сто минут, в сутках десять часов. В неделе десять дней, в месяце десять недель. В году четыре месяца…

– Спасибо, Лим, – вовремя проглатываю слово «понял». – Я вспомнил. А…

– Держись за ограждение. – Увлеченный временными подсчетами, я пропустил появление барьера.

С опаской прикасаюсь ладонями к тому, что кажется пластиком, но не идет из головы то, как этот барьер способен без следа исчезать. На ощупь ограждение вполне соответствует тому, чего ожидаешь по его виду. Прохладное и прочное. Мои попытки его расшатать не приводят ни к чему – как литое, не шелохнется ни на миллиметр, как я ни стараюсь.

– Лим, ты говорил, что транспорт раз в три часа приходит. Почему мы не улетели раньше? – Не может быть, что я провел тут меньше времени, чем три, даже непривычно длинных, часа.

– Предыдущий транспортер был с четвертого завода. Ферма Тука рядом с седьмым, откуда как раз эта платформа.

Я-то думал, он давал мне отоспаться и отдохнуть. Как бы не так, простой расчет и личная выгода. Плавно транспортер отрывается от крыши. Это движение почти незаметно. Нет ни шума двигателей, ни звуков активации каких-либо механизмов. Кажется, в платформе вообще нет движущихся деталей. Насколько же они нас обогнали в техническом плане?

Резкий рывок перегрузки заставляет судорожно вцепиться в ограждение. Два жэ, не меньше! Прячусь за барьером от набегающего воздуха. Разговаривать совершенно невозможно, воздушный поток уносит все слова. А платформа набирает ход. Совершенно нет ощущения, что мы летим. Транспорт идет как по проложенной в воздухе колее на высоте трех десятков метров на землей. Космопорт удаляется с огромной скоростью. Под нами мелькают детали пейзажа, но рассмотреть подробности в полутьме невозможно. Лес, поле, опять лес. Где же хоть какие-то постройки?

Рассвет застает врасплох, слишком он неожиданный. То ли близкий горизонт тому виной, то ли набранная платформой скорость. Местное светило имеет характерный желтый оттенок – один в один Солнце. Прошло не больше десяти минут, одна десятая местного часа (мне надо привыкать к местному измерению времени), как верхушки деревьев сменились распаханными полями. Что-то похожее на пшеницу колосилось на них. Вдали мелькнул одноэтажный бревенчатый домик, рядом пара человеческих фигур на его фоне. Наверное, мне показалось, что эти люди запрягали телегу, слишком уж невероятно подобное предположение для столь технически развитой цивилизации.

– Скоро прибудем, – перекрикивая ветер, сообщает Лим.

Прикрывая ладонью глаза, всматриваюсь вперед.

Прямо по пути высится пирамида. Геометрически правильная четырехугольная конструкция. Но в отличие от египетских, не из камня она сделана, а из матового, серого материала. Издали кажется, что она цельная, а не состоит из блоков или кирпичей. И наша платформа летит прямо в нее, не сбавляя скорости! Нос транспортера нацелен точно в центральную часть сорокаметровой высоты пирамиды.

Пригибаясь за полуметровым барьером, испуганно замираю. Разумом-то понимаю, столкновения не будет, но чувства вопят об обратном. И только когда глаза различают в стене пирамиды знакомые переливы входной завесы, облегченно выдыхаю. Шутки близкого горизонта с восприятием расстояния, к этому придется долго привыкать. Только пять минут назад глаза едва различили здание, и вот уже по коже пробегают «паутинки» входа, и транспортная платформа резко тормозит, кидая меня на ограждение. Что характерно, Лим в своем доспехе даже не покачнулся. Гравикомпенсаторы?

Иссиня-матовый пол услужливо подставил себя под мой нос, когда заграждение платформы, на котором я висел, в результате резкого торможения растаяло без следа. Что-то, схватив за рубаху, легко отрывает мое тело от пола. Это «что-то» не что иное, как рука стража. Крепкая тут одежда – трещит по швам, но вес держит. Или просто я так исхудал?

– Экий ты неуклюжий. – Как диковинную зверюшку подняв меня на уровень своих глаз, Лим с осуждением косится на капающую на пол кровь из моего разбитого носа. – Чтец будет недоволен. – И не удосужив себя попыткой хоть как-то облегчить мне жизнь, сержант просто разжал ладонь.

Падать с высоты полутора метров, с одной стороны, вроде невысоко, но с другой… да когда неожиданно… Сгруппироваться я не успел, больно ударившись о привычно шероховатую поверхность. Инопланетные технологии что, принципиально против излишней гладкости полов? Или это конструктивная особенность материалов? Глупые вопросы лезут в голову, когда думать надо совсем о другом. Мое шипение от боли в разодранных коленях прерывается.

– Вытри пол от крови и старайся больше не пачкать. – Впрочем, сочувствия от Лима я и не ждал. Вопрос в другом: что он так разнервничался от нескольких капелек на полу?

Или здешние хозяева пирамиды в чем-то напоминают его напарника? Тогда плохо, мне и одного сумасшедшего уже хватило. Рукавом старательно оттираю не успевшую загустеть кровь, краем глаза рассматривая место, в которое меня занесло.

Пожалуй, это самое просторное помещение, в котором я был за последнее время – раза в три больше зала космопорта. И, как я уже начинаю привыкать, абсолютно пустое, привычно скругленно-овальных форм, без единого угла. Лишь непонятные красные и оранжевые линии незнакомых знаков чертят узоры по всему полу.

– Пошли! Если чтец занят, а местная охрана спит, то есть шанс, что нас не заметят. – К чему подобная скрытность у сержанта стражи? – И тогда не придется проставляться, чтобы молчали о том, что я покинул пост во время дежурства. – Просто скупердяйство и боязнь нарваться на гнев начальства, а я-то уже нафантазировал о каких-то конфликтах и прочем.

«Пошли» оказалось недалеко, всего семь шагов в строну, и мы стоим внутри очерченного оранжевым круга. Недоуменно взираю на замершего, как средневековый истукан в доспехах, сержанта. Но прежде чем успеваю задать вопрос: «А чего, собственно, ждем?» – нас окутывает купол силового поля. Затем пол резко уходит из-под ног. Не успев толком испугаться, понимаю, что нахожусь в «простом» лифте. А ведь никто никаких кнопок не нажимал! Или я просто такой невнимательный? А может, все проще, и элементы управления местной техникой встроены в броню моего сопровождающего?

– Ты что дрожишь, как лист на ветру? – Да Лим прямо поэт!

Меня и правда колотит крупная дрожь. Что немудрено. «Лифт», доставив нас за пределы пирамиды, сбросил силовой барьер, а погода снаружи не располагала к прогулкам в одном легком белье. Мелкий моросящий дождик, подгоняемый резкими порывами ветра, неприятно хлестал по голым участкам тела. А быстро тут погода меняется, десять минут назад еще и намека на тучки не было.

– А как иначе, если холодно и ветер? – Я не шутил над сержантом, поясняя очевидное. Просто тот сейчас напоминал боевого робота, так как забрало шлема было опущено, и разгул погоды он явно не замечал.

– И то правда. – Зеркальная поверхность с едва различимым лязгом приподнялась, открывая лицо Лима. – Прохладно. Но ничего, пойдем быстрее, говорят, от этого люди согреваются. – И довольно похохатывая своей же шутке, страж широким шагом направился по утоптанной дороге, удаляясь от пирамиды.

Ничего не оставалось, как последовать за ним. Да! Дорогой я это назвать погорячился. Ни намека на какое-либо специальное покрытие! Внимательно смотрю под ноги, дабы не

поранить босые ноги об острые камушки и сучки валяющихся то тут, то там веток. Скорее проселочная тропинка да глубокая колея, оставленная узкими колесами неизвестной техники. Как-то запущено тут с транспортной инфраструктурой! Или все основные перевозки осуществляются антигравитационными платформами и дороги в привычном мне понимании просто не нужны? Хотя это не вяжется с явно не случайно образованной в утоптанной земле колеей – тут много и часто ездят именно по земле, иначе такой след не образуется. Привычная логика пасовала перед местными загадками.

Утренний туман низко стелился, прикрывая белым покрывалом чахлую травку. Кусты колючего кустарника плотно подступали к тропинке. Никак не мог вспомнить название этого растения, но то, что его видел не раз, это точно, видел на Земле.

– Не дрожи так, сейчас выйдем из зоны безопасности завода, и передам тебя «извозчику». Всего час в дороге. А там Тук тебя приоденет.

– Целый час? – Вспоминая, на какой скорости шла платформа, доставившая нас к пирамиде, нервно вздрагиваю. Ферма сержантского брата что, на другой стороне планетоида?

– Ну да, я же говорю, недалеко, километров семь-восемь.

Или я как-то не так воспринял понятие «километры», или… Куда меня занесло?! Гребаные чужие! Верните меня назад!

Тропинка, плавно огибала небольшую дубовую рощу. Странная штука – человеческое сознание. Вот меня удивляет колея от непонятных колес, оставленная на земле. А наличие на находящемся неизвестно на каком расстоянии от Земли планетоиде обычных дубов и прочей привычной растительности воспринимается как само собой разумеющееся.

Порыв ветра принес с собой запах дыма. Ноздри жадно затрепетали – где-то рядом готовится мясо. Желудок жалобно заурчал, чувство голода ударило в голову, затуманивая разум…

– Так! Стой здесь, никуда не отходи, я быстро. – Лим дождался моего понимающего кивка и направился в стоящую неподалеку деревянную постройку, из трубы которой валил плотный дым, с пьянящим мясным ароматом.

Оказывается, пока мечтал о еде, мы уже пришли. А я сам как баран на новые ворота смотрю на инопланетную технику, которою явно и образована так заинтересовавшая меня колея. Смотрю в упор с расстояния не больше метра и не верю. Усталые глаза видавшей гораздо лучшие годы старой лошади с упреком оглядывают меня: мол, что уставился, на себя посмотри, оборванец! А я разглядываю примитивную дощатую телегу на четырех деревянных колесах, обитых тонким металлическим ободом. Перевожу взгляд то на скошенную траву, которою по края загружена подвода, то на клячу, которая в нее впряжена. Вроде вижу, но не понимаю. Это все равно что на лунной базе зайти в уборную и вместо привычной сантехники найти там детский горшочек с ручкой!

После шока от местного транспортного средства небольшой деревянный домик из грубо обработанных бревен смотрелся как само собой разумеющееся. Даже узкое окно, что смотрело на меня блеском мутного стекла, не вызвало приступа панического непонимания. Видимо, всему есть предел, даже удивлению.

С жалобным скрипом дверь постройки отворилась, фигура Лима на секунду замерла на пороге.

– Не мерзни. Залезай в телегу, в сене согреешься. Я уже почти договорился с этим сквалыгой. – Смачно сплюнув на тропинку, сержант громко хлопнул дверью.

Совет стража был как нельзя кстати. Невзирая на уже полностью поднявшееся над горизонтом местное светило, было изрядно холодно, да и ноги озябли после шагания по утренней росе. Правда, первая моя попытка забраться в подводу окончилась громадной занозой, впившейся в большой палец правой ноги. Они тут что, вообще не знают, что такое шкурить доски перед тем, как делать из них хоть что-то? Деревянные борта повозки и правда

были сделаны из грубо струганного дерева, без малейших следов дополнительной обработки. Выдернув ужасное на вид почти двухсантиметровое заостренное полено из пальца, громко зашипел от боли. «Твою дивизию!» – столько ссадин и побоев, как за сегодня, я не получал, наверное, и за десять лет.

Закопавшись по шею в сено, ощутил себя обманутым. Обещанное потепление от данного действия не наступало, а скорее наоборот – пропитанное росой сено отбирало остатки тепла из моего озябшего тела. Кругом какой-то постоянный обман. Как сказал бы дядя Валерий, любитель восточных философий: «Это тебе, Димыч, карма аукается». Но вся беда в том, что в карму я не верю, как и в судьбу и прочий фатум.

«Да шли бы вы лесом со своими советами!» С этой мыслью я со стучащими в лихорадочном ознобе зубами выскочил из подводы и, после пары отжиманий, начал бегать кругами вокруг домика. После третьего круга почувствовал изрядное облегчение: кровь ли быстрее побежала или солнышко начало припекать, но озноб отступил. Правда, тут же замучила одышка и закружилась голова: «путешествие» на корабле чужих не прошло даром для организма; вынужденное голодание – не то, что надо для физических нагрузок.

Что-то сержантское «почти договорился» уже растянулось минимум на двадцать местных минут. Хотя возможно и более простое объяснение. Судя по доносившимся из-за приоткрытой двери звукам, они там хорошо проводили время, выпивая что-то горячительное и обильно закусывая. «Сволочи!» Могли бы и мне вынести что-нибудь перекусить. Но гостеприимство, видимо, не входит в число местных добродетелей, и еды я не дождался. «Скоты!»

Что-то красное мелькнуло в траве под ногами, привлекая мое обостренно-оголодавшее внимание. Раздвинув ладонью зелень, нахожу маленькую ягодку спелой земляники! «А-а-а-а, супер!» На мое счастье, эта ягодка оказалась не единственной. Наесться, конечно, не получилось, но острые спазмы голода прекратились. Конечно, меня посетила мысль, что данная «земляника» может вовсе и не та самая знакомая мне ягода, невзирая на идентичный вид и вкус. Но! Чувствовал я себя в полной безопасности, пожирая ее горстями, и вовсе не из-за того, что так был уверен в том, что это не отрава. А по причине того, что давно приметил на броневом поясе сержанта около десятка ампул с уже знакомым мне веществом – ивиром. Подобное лекарство под боком вселяло удивительную уверенность в собственной безнаказанности относительно шуток природы. А вот с чего я решил, что Лим в случае чего пожертвует эликсиром ради нового холопа, это загадка, которую может объяснить только некоторое помутнение моего рассудка. Но когда подобная мысль пришла в голову, уже доедал где-то четвертый десяток земляничин, и было поздно отказываться от природного угощения. Так ползающим на коленях в траве меня и застал окрик стража:

– Эй, холоп! – Сержант неуверенно держался за дверной косяк. – Ты это… – Сыто отрыгнув, Лим попытался почесать свое пузо, но, наткнувшись на броню, с сожалением отдернул руку. – В общем… Э-э-э-э… Вот! – Его палец уткнулся в плечо выходящего из постройки старика. – Вот, значит, холоп. Это дедушка Вим. Чтоб в дороге его слушался! А то!.. – Недвусмысленно сжатый кулак, видимо, является универсальным жестом. Мне показалось, что сержанта я понял правильно.

– Да, герр сержант! – быстро вскочив на ноги, поспешно уверил стража в том, что осознал возможные последствия.

Но беспокоил не вероятный когда-то в будущем гнев сержанта в случае ослушания, а то, что находилось в руке старика. Сухая, но явно жилистая и далеко не слабая, его ладонь крепко сжимала уже знакомый желтый предмет – куб контроля над ошейником. Вкупе с явно пьяными глазками «дедушки» Вима он навел меня на невеселые мысли о предстоящем пути.

– Значится так, дед. – Лим развернул старика к себе. – Мы с тобой договорились. Отвезешь на ферму Тука этого холопа, передашь его моему брату, и мы в расчете. Но гляди у меня! – Массивный закованный в броню кулак уткнулся под нос Вима. – Чтоб без твоих

обычных шуток! – Забыв, что шлем у него сейчас прикреплен к поясу, Лим хлопнул себя по голове той же ладонью. Если не выпьет ивира, то шишка будет у него теперь знатная. На пару секунд замолчав от собственной оплеухи, сержант продолжил: – Вот, передашь брату. – И протянул извозчику синеватый кристалл размером с перепелиное яйцо.

– Почти двести лет живу, а пользоваться этой приблудой так и не научился. – Ого! Я-то по первому взгляду определил возраст Вима максимум в шестьдесят пять!

– Так то талант нужон! – Сержант аж раздулся от гордости за себя любимого. – Не каждый может «письма» наговаривать. – Ничего себе прогресс?! Получается, этот кристаллик не что иное, как инфопакет. Или какой-то вариант аудионосителя. Причем пользоваться им могут не все, а только те, у кого есть «талант».

Если сейчас из-за дубравы покажется дракон с наездником или прямо под нос мне телепортируется какой-нибудь местный маг, я уже не удивлюсь. Может, упомянутые стражами чтецы и есть маги?

– Забирайся в телегу, Берк. – Сержант подошел ближе и на ухо прошептал: – Ты это… с дедушкой Вимом поосторожнее. У него уже маразм. И иногда он бывает буйным. – Нечего сказать – успокоил.

– А если я отберу контроллер ошейника и сбегу? – Мне и правда пришла такая мысль, но что-то изнутри подсказывало, что подобный поступок может быть опрометчивым.

– Ы-ы-ы-ы-ы. – Какой угодно ожидал реакции от Лима, вплоть до сломанных костей за такой наглый вопрос, но не истерично-веселого смеха. – Смотри.

Подобрав с земли небольшой камушек, сержант запустил его со всей силы в затылок поправляющему сбрую деду. Как только камень оторвался от ладони Лима, старик резко отклонился в сторону, немного присел, незаметное движение его руки – и вот уже этот же камень с треском врезается в заблаговременно надетый стражем шлем. Ух-х, ничего себе, а ведь в момент броска Вим стоял спиной к нам и всего в четырех метрах! Удовлетворенно хмыкнув, дедушка ничего не сказал и продолжил заниматься своим делом.

– Ты не смотри, что он стар. За его плечами восемьдесят лет гвардейских полков Сиугарильской империи! Без вот этого. – Сержант хлопает себя по броне. – Я бы против него не продержался и пары секунд, а ты задохлик и подумать ничего не успеешь, как то, что с тобою сделал Бим, покажется легкими оплеухами. – Меня аж передернуло. – Уяснил?

– Да. – Похоже, побег отменяется на более далекую перспективу.

– Все, мне пора на пост, скоро уже платформа с завода пойдет в порт. Не переживай так, мой брат – добрейший человек, лет десять – и будешь свободным!

А он и правда думает, что оказывает мне милость? Десять, «вашу ж мать», лет рабства!

– Спасибо, герр сержант! – Весь мой вид говорит о глубокой благодарности.

– Залазь в телегу, как тебя там, а, Берк… Залазь, я говорю! – Подчиняюсь брюзгливым выкрикам старика и забираюсь в повозку. Уф-ф, хорошо, что солнце подсушило сено. – Но-о-о! Пшла, кляча старая! – Вим длинным прутом лозы хлещет по исхудавшим бокам бедной лошадки.

С жутким скрипом подвода трогается с места. Похоже, о смазке осей, не говоря уже о подшипниках, тут никто не слышал. Как и о самых примитивных амортизаторах! Больно ударяю сам себя коленкой в челюсть, когда телега проваливается в яму на дороге. Оглядываюсь, ища глазами сержанта, но вижу только его спину в пятидесяти метрах позади – он неспешной походкой удалятся в направлении пирамиды. Да-а-а, прощаться тут тоже не принято.

…Я гляжу на лугу, солнышко встает.
Я гляжу за тропой, дерево растет.
Я гляжу за кустом, ягода цветет…

Дедушка Вим как тот чукча в анекдоте – едва телега набрала постоянную скорость и ему больше не требовалось подгонять кобылу, начал напевать эту песенку из цикла «пою о том, что вижу». Надо признать, минут через десять уже жутко хотелось стукнуть его чем-то тяжелым по голове или просто заткнуть рот кляпом. Но, судя по впечатляющей демонстрации Лима с камушком, это чревато. Раз нельзя остановить процесс, надо его возглавить, тем более что голос у меня явно получше, да и слушать себя всегда приятнее:

Дерево, а за деревом дерево…
А за деревом дерево, а за деревом куст!
За кустом снова дерево, а за деревом дерево…

Бесконечная «песенка», в принципе состоящая из одного «куплета», петь можно сколь угодно долго, пока не надоест. Вим мгновенно заткнулся, едва я запел первую строку, и с интересом вслушивался. «Черт!» Ему явно понравился тот бред, что я пел! Через несколько минут в горле пересохло, и я начал закашливаться. Это явно не понравилось старику, в его руках как по волшебству материализовался кожаный бурдюк, и он протянул его мне. Открыв плотно прилегающую деревянную затычку, приложился к горлышку. В нос запоздало ударил запах брожения. От ё-о-о-о, аж поперхнулся – в бурдюк была залита низкокачественная брага, судя по всему, на основе забродившего яблочного сока. Деревенский сидр обильно тек по подбородку, пока я пытался остановить так не вовремя обуявший меня кашель.

– Только добро переводишь! – Неподдельное возмущение старика сопровождалось резким рывком бурдюка из моих рук. – А поешь знатно да интересно! – Точно маразматик, что может быть интересного в повторяемом тексте? – Надо же как складно! Дерево-о-о-о, а за дере-э-эво-о-ом де-э-эре-ево-о-о-о…

Научил на свои многострадальные уши! Судя по всему, теперь моя очередь слушать новый местный хит. Тем временем тракт обступил самый натуральный дремучий лес. Широкие лапы еловых веток то и дело скребли по бортам телеги. Даже солнце, уже заметно поднявшееся над горизонтом, не могло полностью разогнать лесной полумрак.

Извозчик ненадолго прервал свои песнопения, правда, только для того, чтобы вытащить из своего мешка огромный кусок сыра с хлебом. У меня аж слюни потекли, а глаза намертво приклеились к маячившей неподалеку еде.

– А можно мне кусочек, а то очень давно не ел, – как можно более жалобно попросил я.

– Хм… – Дедушка Вим обернулся, глядя жалостливым взглядом, и сунул руку в мешок. От нетерпения я чуть не подпрыгивал.

Но моя радость была преждевременной, на свет появился не очередной бутерброд, а кубик контроля.

– Ты холоп, а у нас не принято, чтобы холопы первыми заговаривали со свободными.

Возражение «но я же нормально говорил с сержантом!» произнести не успел, меня скрутило в приступе дичайшей боли! Казалось, кто-то неведомый вытащил из тела все нервы и каждый из них обстукивал специальным молоточком. Даже кричать не получалось, только беспомощно выть.

– Очнулся? – Видимо, я на какое-то время и правда отключился. А голос-то какой у старика, весь просто пропитан сочувствием! Издевается? С трудом разлепив глаза, понимаю, нет, не издевается, а заботливо-заботливо вглядывается мне в лицо. – И то хорошо, что в себя пришел, а то уже почти приехали. Плохо было бы, если бы ты валялся без чувств. Неудобно бы перед Туком получилось. – И отхлебнув из бурдюка, поинтересовался: – Что, первый раз под ошейник попал? – Ха! Нашел дурака! Я теперь молчать буду как рыба об лед! Но не тут-то было. – Можешь ответить, разрешаю.

– Наверное, первый раз. – Не стоит забывать, что по легенде я лишен памяти. – Так как думаю, что такое бы не забыл.

– Ничего-ничего, привыкнешь. – От его заботы хотелось заскрежетать зубами, но, взяв себя в руки, сдержался. – Тем более ошейник, он для здоровья полезен. Не зря же его на коровах применяют, такое молоко после получается! – И Вим довольно причмокнул губами, вспоминая вкус.

– Я не корова! – Вот моя натура неугомонная.

– Ты этого, не огрызайся, холоп, не огрызайся. – Он подбросил кубик на ладони. – Злость – она до добра не доводит, – как маленькому ребенку объясняет, но лучше и правда заткнуться, а то как нажмет на кнопочку…

– Спасибо за науку, дедушка Вим. – Интересно, поймет, что я издеваюсь?

– Вот это правильно, слушай нас стариков, мы плохого не посоветуем! – И гордо приосанившись, хлестнул кобылу прутом. Н-да-а, как слону дробина мой сарказм, а может, и к лучшему, что он ничего не понял.

Пока я лежал в отключке, лес остался позади, и дорога, по которой катилась наша телега, уже рассекала огромные поля подсолнухов. Живописная сельская идиллия, если абстрагироваться от ситуации, в которой очутился я. Но этого как раз и не получалось. Я с завистью смотрел на огромные корзины цветов, которые украшали высоченные двухметровые стебли. Хорошо им, расти себе, «голову» солнцу подставляй, и никто ошейник не наденет. «Н-да-а-а, докатился, уже подсолнухам завидую!»

С огромным трудом запряженная в повозку лошадь втащила нас на небольшой холм. Ого! Не дальше чем в полукилометре дорога упиралась в двухэтажный особняк. Массивная постройка из бревен толщиной не меньше чем вполобхвата, с крышей, покрытой каким-то красноватым металлом. Окна блестели на солнце, раскрытые ставни раскрашены в сине-оранжевые узоры. К дому пристроились несколько построек поменьше, очень напоминающие сараи. Только вот людей не было видно, хоть входная дверь и была открыта нараспашку, а из кирпичной трубы шел легкий дымок.

– У Тука хорошее, крепкое хозяйство. – Прервав свои песнопения, водитель кобылы разоткровенничался. – Смотри, сколько полей распахано! И вон там за опушкой, – вялый взмах рукой в неопределенном направлении, – отменное стадо коровок пасется. А вот из того сада, – в этот раз целеуказание у старика получилось лучше, – такие яблочки! – И жадно отхлебнул бражки. – Такой сидр из них Тук гонит. Э-э-эх, не то что это пойло! Молодец Лим, не забывает брата, вот холопа ему справил. – И словно вспомнив, что рассказывает это не кому-то, а мне: – Тебя то есть. Молодец! – Я-то как раз никакой благодарности к сержанту не испытывал, ну, кроме того, что он вырвал меня из рук Бима.

Тихо поскрипывая колесами, подвода медленно вкатилась во двор фермерского хозяйства. Во двор моего будущего хозяина. Надо себя правильно настроить, иначе опять взбрыкну, и будут бо-о-ольшие и очень болезненные неприятности.

– Так! Как тебя там… – Но через несколько секунд поняв, что не может вспомнить, как же меня зовут: – В общем, ты это, холоп. Седай, где сидишь, с телеги ни ногой! Уяснил?

– Как скажете, дедушка Вим.

«Вот пакость», а мое подобострастие почти не наиграно, неужели я уже сломался?

Кивнув каким-то своим мыслям, старик извозчик, постучав в приоткрытую дверь, зашел в дом.

Глава 3

Невзирая на насыщенность последних суток различными «приключениями», неимоверно хотелось спать. Даже впивающиеся в тело соломинки не сильно мешали. Челюсть чуть не свело судорогой от зевоты. А ведь в скором времени появится на дворе местный хозяин и… Нет, неправильно, не надо себя обманывать, МОЙ хозяин, и только так, честным с самим собой желательно оставаться всегда. И увидит дрыхнущего в телеге холопа. Реакция на подобное может быть самой губительной для меня любимого, так что надо держаться и бодрствовать. Следовало бы походить по подворью… НО! Приказ старика был недвусмысленный, и экспериментировать с неподчинением пора «завязывать», тут мне не Земля и даже не лунная станция. Местные, как показала практика, очень скоры на расправу.

Подавив в зародыше очередной приступ зевоты, я начал растирать уши – проверенный еще с училища способ хоть немного взбодриться. Помогло. Но только тогда, когда из глаз выступили слезы от боли в истязаемых ушах. Ничего, лучше пусть так, чем проснуться от активированного ошейника. При одном воспоминании о причиненных этим адским устройством мучениях по спине пробежали мурашки страха.

Выудив из охапки сена, на которой сидел, одну прямую соломинку, начал ее меланхолично покусывать. А подворье, куда меня занесла судьба, ничего так – опрятно кругом, чистенько. Вытоптанная земля двора посыпана опилками. То тут то там виднеются характерные следы, оставленные домашними животными. Крепкое тут хозяйство, и явно видна рука хорошего хозяина. «Хорошего» в смысле работящего, а вот как у Тука обстоят дела с холопами, это мне еще предстояло узнать на собственной шкуре.

Невеселые размышления прервал грохот чего-то падающего за углом дома. Потом раздался испуганный визг, и во двор выскочил, прижимая хвост, маленький щенок пепельного окраса и неизвестной мне породы. На секунду он замер, бросил на лошадь полный отчаяния взгляд и, ни секунды не колеблясь, метнулся под подводу, вызвав раздраженное фырканье кобылы.

– Атя, атя! Вуй-вуй-вуй! Пафик, Па-а-афик! – Тоненький детский голосок звал откуда-то из-за дома.

Судя по тому, что спрятавшийся под телегой щенок начал упорно скрести землю, явно намереваясь закопаться поглубже, искали именно его. Вспомнив, как сам играл в далеком детстве с бабушкиной кошкой, молчаливо посочувствовал «обласканному» детским вниманием зверьку.

– Па-афик! Выхати иглать! – На двор как маленькое торнадо выбежал, судорожно размахивая ручками, ребенок.

На месте собаки я бы не вышел. Точно могу это утверждать! Не-э-э, сам ребенок оказался очень даже миловидной девочкой лет четырех-пяти, наряженной в ярко-желтый сарафан. Копна ее волос соломенного цвета непослушно развевалась от любого дуновения ветра. Но вот то, что она держала в руках несколько скомканных бантиков, насторожило бы любое домашнее животное, хоть раз пересекавшееся в жизни с маленькими девочками. Заранее соболезную щенку, если она его найдет.

Ха, судя по всему, сочувствовать придется самому себе. Внимание дитя мгновенно переключилось с «Пафик, Па-афик!» на мою скромную персону. Ничуть не испугавшись чужого взрослого во дворе, девочка вприпрыжку подбежала к повозке, чтобы с ходу озадачить меня нетривиальным вопросом:

– Тятя, а тятя, а ты чито, колофка??? – Кто, кто я? Кто такие «колофки»? То, что «тятя», это «дядя», понять получилось, но загадочное «колофка»?

– Кто?

– Ну, колофка! – С досады, что ее не понимают, она аж покраснела. – Колофки! Му-у-у! Му-у-у-у! – И девочка сделала рожки.

– Нет, я не коровка. – От греха быстро сплюнул торчащую из рта соломинку. Свят-свят-свят, вдруг жевать сено тут табу какое-то?

– Нет! Ты колофка! Только колофки носят это! – Ее пальчик уверенно указывал на недавно приобретенное мной «украшение» – ошейник.

– Нет, девочка, я не коровка, а человек. Люди иногда тоже носят подобное.

– А-а-а-а, – в ее интонациях было море разочарования, – а я тумала, ты закалдованная в чилавека колофка. Папа опищал мне купить мою, – на пару секунд она запнулась, подбирая слово, – сопствинную колофку!

– Э-э-э-э, боюсь, но я не она…

Или «она»? Ее собственная колофка? Уж лучше на рудники! Девочка-то на вид добрая, но из того сорта доброты, что легко сведет в могилу.

– А пыла пы так холосо! Моя сопствинная закалдофанная колофка!

У нее даже глазки мечтательно закатились. Почувствовал себя отпетым злодеем, что не являюсь ее колофкой, будто я сам виноват в этой «вселенской» несправедливости.

– А ты много видела заколдованных людей или коровок? – Этот вопрос меня не на шутку взволновал.

– Нет, только Па-афик. – И уже заговорщическим шепотом продолжила: – Он не просто щинок! Он закалдофанный сын алькала! Вот! – И поспешно спрятала банты за спину, гордо вскинув подбородок.

– Прямо так и самого алькара? – Так до сих пор и не знаю, кто они такие, но явно высокого полета «птицы».

– Аха! Выласту, пацилую иво, и он на мне женится! – Вот и ломай теперь голову, детская ли это фантазия или…

– А кто тебе сказал, что он заколдован?

– Сам алькал и сказал, когда гостил у нас и оставил Пафика папе! – Судя по тону, не врет, если, конечно, у этого дитя не чрезмерно буйная фантазия.

– Что, вот так целый алькар гостил? – Придется выведывать так заинтересовавшие меня сведения окольным путем.

– Аха! – И тут же, как любой обычный ребенок на Земле, мгновенно переключила тему разговора: – А как типя зовут? Меня Альня! – И не давая мне открыть рот: – Папа говорит, это значит поплыгунья! – В подтверждение весело запрыгала на одной ножке.

– А я Д… Берк.

– О-о-о-о! – Девочка испуганно отпрыгнула. – Ты кусаишься, как сапака бабы Туи? – Да что ж это за собака такая, если о ней даже пятилетний ребенок знает?

– Нет, конечно нет! – поспешил уверить дитя, но мой взмах руки в жесте отрицания только еще больше напугал девочку.

– Ты плохой! – Альня, отбежав от телеги на несколько шагов, закричала: – Не кусай меня! – И громко заплакала: – Па-а-а-апа-а-а-а-а!

Вот попал так попал, и что самое обидное – на пустом ведь месте…

Оправдаться и уверить в собственной безграничной доброте и покладистости не успел, что-то щелкнуло в области шеи и меня «выключило».

«Чем это меня так?» Голова не болела, все тело пребывало в расслабленной неге. Один только недостаток был в подобном пробуждении – организм не слушался, даже мизинцем пошевелить не получалось. Хорошая такая успокаивающая мысль, про «один недостаток», отвлекает от мысленных воплей: «А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а, спасите! Я парализован!» Плохо, глаза не открыть, не осмотреться. Хотя судя по тактильным ощущениям, лежу на чем-то

мягком, под головой явно подушка, это уже прогресс по сравнению с сеном телеги. В чем я провинился перед судьбой, что меня забросило непонятно куда?

– Очнулся. – От черт! Все это время рядом со мной кто-то был! – Это хорошо. Иногда ошейник в режиме сна вырубает коров на пару дней. А ты ничего так, крепкий, всего пару часов в отключке и уже проснулся.

Это как понимать? Ошейник настолько многофункциональное устройство, что им можно погрузить человека еще и в сон? Так что ж тогда надо мной издевались, мучая болью? Садисты?!

Голос у того, кто находился поблизости, был приятный. Мягкий баритон уверенного в себе человека явно не первой молодости, но еще далекого от старости. Догадаться, что сидящий у кровати скорее всего мой хозяин, труда не составило.

– Крепкий. Это хорошо. – Ну еще бы, понятна его радость – раб попался не рохля. – То, что ты доченьку мою напугал, ты не бойся. Я все видел. – Угу, смотрел скорее всего со стороны, оценивал поведение. Умный зараза! – Дед Вим мне уже все рассказал. Да и письмецо от брата многое пояснило. Не сказать, что мне когда-нибудь приходилось быть рабовладельцем, но по хозяйству я тебе применение найду. Я принес тебе одежду, она на спинке стула рядом с кроватью. Оденешься и выходи во двор, тебя там будет ждать обед.

Парализован, ага, но, видимо, рефлексов это не коснулось. При упоминании еды весь рот наполнился слюной. Почувствовал, как тонкая струйка стекает по щеке. Противно и омерзительно! Надеюсь, кроме ушедшего Тука, в помещении, где я нахожусь, больше никого нет. И никто не видит моего позора. Стыд и презрение к себе выплеснулись румянцем на щеки, уши тоже горели. Унизительно!

По субъективным ощущениям прошло несколько часов, прежде чем я смог пошевелить хоть пальцем. А затем и открыть глаза.

Итак, что мне видно, не поворачивая головы? Потолок и только. Много это или мало? Как посмотреть. Меня смотреть правильно учили специально. Эх, тяжелое мое детство, в свете нынешней ситуации теперь оно кажется таким светлым и безоблачным. Потолок сразу бросается в глаза. Ну конечно, цвет белый с налетом желтизны. Не краской он покрыт и не обоями, пластика нет и следа. Ровно подогнанные доски просто покрыты штукатуркой или чем-то на нее похожим. Очень «технологично»… В который раз сталкиваюсь с этим несоответствием и до сих пор не могу его понять.

Постепенно, по мере нарастания сил, оглядываюсь дальше. Комната как комната, обычная. Обычная, если вы привыкли жить в деревне века так девятнадцатого. Стены как были сложены из обтесанных бревен, так никто и не удосужился их хоть чем-то прикрыть. Хотя бы краской или на худой конец олифой. Нет, дерево просто ошкурили, отполировали чем-то и оставили как есть.

Единственное в комнате окно было ярчайшим контрастом в окружающей обстановке. Окном-то его можно было назвать условно. Вот что я вкладываю в слово «окно»? Проем в стене, закрытый стеклом. Тут проем присутствовал, да какой – почти вполовину стены! Но стекла, его закрывающего, не было. Что, впрочем, не означало, что проем открыт всем ветрам и прочей непогоде. Редко мерцающее силовое поле голубоватого, как небо, оттенка закрывало это «окно».

Да где я вообще? Что за загадки? Куда меня занесло?

Тут вместо люстры с электрическими лампочками что-то вроде масляного светильника, обоев на стенах нет. И вот те нате – силовые поля в качестве заменителя стекла. Невероятный перепад технологий. Да и все остальное – загадка на загадке. Но вот я почему-то уверен, что Туку и остальным будет совершенно все равно, им плевать на мой цивилизационный шок. Надо, надо взять себя в руки…

Одеваясь, внимательно изучал одежду. И опять этот режущий сознание контраст. Льняная рубаха, скорее даже сорочка, которая надевается через голову, причем явно домотканая. Вместо привычных пуговиц петельки и похожие на костяные крючочки. Брюки больше похожи на широкие шаровары, виденные мною в музеях на Кубани, также явно ручной работы. А вот пояс из материала, похожего больше на ультратехнологичный пластик! И обувка – шедевр дизайнерской и научной мысли. Что-то вроде солдатских берц, на первый взгляд сделанных из кожи со вставками из какого-то гибкого металла. Очень удобные, без молний, без шнурков – просовываешь ступню, и обувь сама плотно ее охватывает, явно принимая индивидуальную форму и подгоняясь под необходимый размер.

На дворе было еще светло. Вставил ремень в петли на шароварах и застыл в недоумении. А как его застегнуть? Пробовал и так, и так, но не нашел ни привычных замков, ни застежек, ни дырочек. Тьфу! В итоге, когда случайно совместил оба конца ремня, тот внезапно сросся в месте стыка, пластик пошел мелкой рябью, и пояс затянулся сам, не оставив и следа на месте стыка. И как я «это» теперь сниму?

Последней деталью оказалась тонкая цепочка из материала, похожего на медь. Это было не украшение, а скорее необходимый атрибут местной жизни. В цепочку была вставлена оправа, в которой находился пузырек с ивиром. Полезно, более чем полезно!

Голод судорогой в желудке настойчиво напомнил о себе. Собрав силы, а главное мужество, краем глаза выглянул за дверь комнаты. Никого. На цыпочках и совершенно бесшумно благодаря чудо-ботинкам вышел в большое помещение – столовую или гостиную. Обстановка такая же, все сделано явно вручную. Кроме непонятного черного куба без кнопок, рычажков и прочего. Просто кубик, тридцать на тридцать, идеально ровный и гладкий. Для чего он тут, даже не стал забивать себе голову, и так от этих «непоняток» голова болит.

На дворе стояла отличная погода. Солнышко, клонившееся к закату, приятно ласкало лицо. Ветерок был силен ровно настолько, чтобы лишь чуть-чуть ерошить волосы. Эх. Курорт. Если забыть обо всем остальном…

Приятный такой манящий запах вареного мяса и овощей безошибочно привел меня к еде, которая была разложена на серой льняной и чистой тряпочке, накрывавшей большой деревянный чурбан. Глиняный горшочек, примитивная керамика, но внутри его благоухала похлебка из мяса с картошкой и крупно порезанным луком. И опять алюминиевая ложка явно заводской штамповки рядом. И краюха такого привычного ржаного хлеба…

Зная по опыту, что кидаться на еду как вернувшийся с голодного острова нельзя, медленно и со вкусом принялся за трапезу. Ничего вкуснее есть мне никогда не приходилось, что, конечно, было субъективным ощущением, подхлестнутым чувством невероятного голода.

Поспали, поели, хорошо… Только чувствую, что это хорошо ой как ненадолго! Интересно, меня сразу впрягут в какую работу или дадут освоиться? Ну не знаю я ничего о рабстве, как это принято у местных-то? Разрешился этот вопрос очень скоро.

– Ты Берком будешь? – Буду, буду, кто ж меня спросит-то только, хочу ли я им быть.

– Ага. – Дожевывая последний кусочек хлеба, смотрю на пацаненка в рваных шароварах и грязной сорочке. А это еще кто?

– Я Тимир, племянник господина Тука.

Ну и мне-то какое до этого дело? А от четырнадцатилетнего пацаненка так и пышет чувством собственной значимости.

– И что?

Ну племянник, ну Тимир, мне-то что?

– А вот!

Судорожно заглатываю внезапно появившийся в горле сухой комок. У паренька в руках коробочка управления ошейником, что он мне и демонстрирует с ехидной улыбкой, пол-

ной превосходства. Какой идиот доверил этот прибор малолетке? Мгновенно прошибает холодный пот… Как мне противно. Нет, не за коробочку эту и не за ухмылку на юном лице подростка. Противно из-за собственной слабости, за страх перед самим собой противно… Тошнит от себя – размазня, девчонка, а не боевой пилот! Но страх сильнее любых самобичеваний.

– Поел? – У меня хватает самообладания только кивнуть. Надеюсь, это выглядело не очень подобострастно. – Пошли.

Плетусь за малолетним «командиром». Кто его учил так разговаривать? Обычно в его возрасте болтают без умолку, а этот Тимир до предела лаконичен.

За подворьем тянутся распаханные поля. Ровные борозды устремляются до самого леса. А Тук и правда хозяйственник каких поискать. Несколько человек, в основном женщины, ковыряются в распаханной земле. Что они делают – не знаю. Ну не фермер я! Может, сеют, а может, и сорняки выпалывают или вообще звездолеты выращивают! Гребаная реальность! Достала со своей загадочностью, хуже горькой редьки, даже хуже ошейника.

Но мы идем в другую сторону. Миновав пашню по виляющей тропинке, Тимир поднимается на холм. Мне ничего не остается, кроме как последовать за ним. О! Ну ничего себе! Да тут и правда полноценное фермерское хозяйство. В ложбине меж холмов, на сочных заливных лугах пасутся двадцать две коровы и три быка. Брр… Не хочу вниз, вон как смотрят недобро!

– Со скотом обращаться умеешь? – Не понимаю вопроса. И видимо, это непонимание во всей красе написано у меня на лице. – Ухаживал за скотом?

– Нет.

Я бы ему рассказал о многих встреченных в моей жизни скотах и о том, как мне приходилось за ними «ухаживать». Но бросив взгляд на его ладонь, передумал и ответил односложно.

– Эх. Что, правда память потерял? – Просто вопрос, без малейшей толики сочувствия. Странный пацан.

– Да, потерял.

– Пошли учить буду.

И преисполнившись чувства собственной значимости, мальчишка стал спускаться по склону.

Так началась моя размеренная жизнь в фермерском хозяйстве. Работал помощником пастуха. Отличное применение навыкам пилота КФФ!..

Надо признаться, всегда считал, что пастухом быть легко. Лежи себе на солнышке, отдыхай. Как бы не так. С непривычки так вообще сперва оторопь брала. Особенно когда проходил рядом с быками. Громадные животные! И опасные, несмотря на кажущийся спокойный и меланхоличный вид.

Жить меня пристроили в сарае, на условном втором этаже, под сваленным хламом и убогим инвентарем. Но надо признать, спать на наваленной на просушку соломе было неудобно только с непривычки, я быстро обвыкся. Да и кормили хорошо, вкусно и сытно.

Ферма и подворья, которые принадлежали моему хозяину, были не столь велики, как показалось на первый взгляд. На Тука работали пять наемных рабочих и его большое семейство, общим числом восемнадцать человек. Они возделывали несколько гектаров пашни, следили за большим яблоневым садом, держали различную живность. Кроме коров были и свиньи, и козы, и куры.

Я думал, пройдет немного времени и мне удастся понять окружающий мир. Но увы, не выходило. Тут соседствовали несовместимые вещи. Практически примитивные плуги валялись в сарае рядом с машинкой, которая сама стригла луга, точнее, косила, складывала сено в тюки и привозила на сеновал. И это по словесной команде! Приходил кто-нибудь и, уставив-

шись на этот ящик без колес, говорил: «За мной!» И этот непонятный агрегат отрывался от земли и следовал за приказавшим. Следовал, левитируя в десятке сантиметров над поверхностью! И таких примеров было множество.

Что самое шокирующее, для всех остальных происходящее было нормой! Само собой разумеющимся. Ну как так?! Мои вопросы с просьбами разъяснить, как работает тот или иной необычный предмет, не встречали никакого понимания. Работает и работает, чего тебе? А как, да кто его знает…

Ну и мирок!

И это если не брать в расчет основную странность. Как на планетоиде радиусом в пару сотен километров вообще есть воздух, вода и нормальная сила тяжести? А небо… Ох. Это небо! За него можно было простить все. Мириады звезд, многие из которых были настолько яркими, что спокойно можно было их наблюдать даже днем. Невероятно.

Всем было плевать на окружающее несоответствие и несовместимость применяемых технологий, для окружающих все было в порядке вещей.

К концу второй недели моего пребывания рабом прибыл на ферму дедушка Вим. Забрал кое-что из продуктов и оставил продолговатый диск, на вид стеклянный.

– Дед. – У старика было благодушное настроение, и я решился заговорить. – А, дед. Что это ты привез?

– А, это ты Берк. Как живется, освоился?

Тьфу, ну что за манера, не слушать других?

– Нормально. Ты был прав, Тук – рачительный хозяин.

Ну вот, вот и пришел момент, когда слово «хозяин» слетает с моего языка совершенно естественно.

– А то ж. Ты меня слушай. Не пропадешь!

И принялся раскуривать трубку. Ну вот! Тут еще и табак есть? И прикурил он трубку от странной палочки, нисколько не напоминающей привычные зажигалки или спички. Просто палочка без следа огня, но поднес ее к трубке – и табак затлел. Тьфу. Я тут умом повернусь!

– Так что это за диск?

– А-а-а, забыл, что ты беспамятный. – Мне показалось или это сочувствие? – Не поправился, значит, ишо.

– Не поправился. – Едва сдерживаю раздражение. Он отвечать-то будет? Судя по всему, нет. Курит, по сторонам глазеет. – Дедушка Вим, так что ты привез?

– Ась? А, это? – Он похлопал сухой ладонью по не опознанному мной материалу. – Так это ж обычный проходчик.

– Что-что? Какой проходчик?

– Ну, дыры в земле роет! Чего непонятного? Колодец там прорыть, дыру под сваю сделать…

Интересно как? Этот диск вообще не имеет никаких приспособлений, он ровный и без буров, лопаток, манипуляторов.

– А как он копает?

– Отстань от старика, утомил. Копает и копает, тебе-то что? Лучше помоги загрузить зерно в телегу.

Помог. Мне не трудно. Всего две недельки, и я уже привычен к простому труду. Тьфу на этих местных. И главный вопрос:

– Дед, а, дед. А откуда этот диск?

– Ты это того… Утомил, ясень пень. С завода. Откеж ему ишо взяться-то?

«Папа, а где ты деньги берешь? В тумбочке, сына. А откуда они в тумбочке берутся? Мама кладет, сына. А мама откуда деньги берет? Я даю. А ты, папа, откуда деньги берешь?

Сына, я же тебе сказал – из тумбочки!» Вот и наш разговор такой же. Ничего я не добьюсь от старика. Как и от остальных на ферме.

За время работы на ферме я кое-что, конечно, узнал. Например, то, что этот планетоид далеко не единственный. И что в системе местной звезды таких же семь. Но не это главное. Больше всего меня шокировал факт, что систем таких звездных, по мнению окружающих, имелось больше сотни тысяч! Не верю! Или верю? Сам себя не пойму.

Одно ясно. На ферме я не узнаю ни-че-го. Да и доля раба, как бы ко мне хорошо ни относились, меня не устраивала ни в коей мере. Надо было бежать отсюда. Желательно подальше. Добраться до космодрома, или, как местные говорят, до порта. Дождаться любого корабля и попроситься на борт. Хуже, чем с ошейником, не будет точно! Или будет? Тут хоть ивир есть и кормят. А попаду на борт к пиратам каким?

Ох! Я схожу с ума! Уже на полном серьезе думаю о пиратах, которые рассекают космические просторы на звездолетах. И ведь думаю абсолютно реально о такой возможности. Докатился!..

Но главная мысль – сбежать. Она как возникла сразу после осознания ситуации, так и не уходила никуда из головы, заставляя искать выход.

Меня никто не охранял – незачем это. Ошейник заменит любого надзирателя. В нем и была первая и главная проблема, без решения которой о побеге думать бесполезно. Чертовы сверхтехнологии местного скотоводства и по совместительству надзора!

Эффективная штука этот ошейник. Я сам уже довольно уверенно применял пульт управления от таких же, что охватывали шеи рогатого скота в местном хозяйстве. Давишь на одну кнопочку – боль, и она тем больше, чем сильнее нажим. Давишь на вторую – полная отключка. На третью – парализация нервных окончаний. Не знаю, как это происходит, но эффективность поражающая. Жаль только пульт от моей «цепи» никто и не думал отдавать мне.

Я всем своим видом показывал, что безобиден, раздавлен и вполне смирился со своей рабской участью. Но от ошейника меня это не избавило. Самое легкое было заполучить пульт, когда он находился у мальчишки. Но тот, видимо, был хорошо проинструктирован и не приближался ко мне. Две недели – мало, чтобы приобрести доверие. Но как долго оставаться мне в холопах?..

И все же я выжидал своего часа. Должен же был настать момент, когда Тимир расслабится, ну не надзиратель он, а всего-навсего мальчишка-пастух.

Прошел почти месяц, прежде чем представился такой шанс…

На полуденном солнцепеке Тимир задремал. Аккуратно ступая по земле, стараясь не раздавить какую-нибудь случайную веточку, я подкрался к спящему мальчишке. И замер… О главном-то я не подумал… Как вытащить из крепко сжатой ладони спящего пульт, при этом его не разбудив? Наносить какой-либо вред мальчугану не хотелось. Не то чтобы мы подружились, но он был неплохим пареньком. Однако нельзя было мешкать. В любой момент чуткий сон пастуха мог прерваться. А пальцы-то у него совсем рядом с кнопочкой парализации.

Ничего не поделать. Прости, мальчуган. Левой рукой сдавливаю ладонь с пультом, а правой давлю на шею. Несколько секунд трепыхания, и он отключается. Где тут кнопка «снять»? Ага, вот она! Ура! Свобода! Пусть пока только от ошейника, но свобода!

Надеваю ошейник на Тимира, активирую режим сна. Уф-ф, несколько часов, если никто не хватится, у меня есть в запасе.

План дальнейших действий в общих чертах был продуман давно. Обогнув мирно пасущееся стадо, делая вид, что прогуливаюсь, я вышел к кромке леса. А когда понял, что никто за мной не наблюдает по причине отсутствия любопытных глаз в зоне видимости, нырнул за густые кусты.

Итак, есть два пути. Один – к заводу, как местные называли гигантскую пирамиду. Там пробраться на верхнюю площадку, сесть на платформу и прямиком к космопорту. Но это гибельная авантюра. Завод охраняется, за платформами могут наблюдать.

Вторая дорога казалась более безопасной. Напрямик через леса до посадочной площадки. Да, долго, километров пятьдесят – семьдесят, зато в стороне от чужих глаз. К тому же я проходил курс выживания, когда учился в летном училище. Это было обязательным предметом. И уж если на экзамене по выживанию смог две недели продержаться в сибирской тайге, да еще зимой, то в местных лесах при столь мягком климате я чувствовал себя совершенно спокойно.

Попробовал побежать, но скоро бросил эту затею. Вечерний лес не место для пробежек, если не хочешь сломать себе что-нибудь. Да, у меня имелись две капсулы ивира – своя и отобранная у Тимира, но это не более чем право на две случайности. А на то, как калечатся даже очень подготовленные люди в кажущихся вполне безобидными условиях, я насмотрелся вдоволь.

Местное светило клонилось к закату, но при такой плотности звезд на ночном небосклоне это нисколько не замедлило моего пути. Направление, в котором находится космопорт, я вычислил еще на третий день пребывания на ферме. Даже выбрал несколько особенно ярких звезд в качестве ориентиров.

Была проблема с едой. Чтобы не привлекать ничье внимание, я не стал появляться на подворье. Уж пару суток потерпеть без еды вполне мне по силам. Жаль, что я не согласился пройти курс горного стрелка. Вот чьи бы навыки мне сейчас пригодились. И пусть тут нет гор, но их система подготовки, сплав еще советской и германской школ… Нигде больше на Земле не дают таких спецов для действий в районах, отдаленных от цивилизации. И неважно – горы, пустыня, лес или степь. Впрочем, жалеть об упущенном – это только себя расстраивать. Пилотов КФФ готовили тоже неплохо, куда там обычной пехтуре.

Через часов пятнадцать, останавливаясь только на короткий отдых, понял, что за месяц на обильных харчах и из-за отсутствия тренировки, да к тому же не пройдя реабилитационный курс после пребывания на Первой Лунной, я переоценил свои силы. Дойти до космопорта без длительной остановки не получится. Нужен был полноценный отдых, проще говоря, надо было поспать.

За все время с момента побега мне удалось обходить поселения, большинство из которых напоминало ферму Тука, и не попадаться на глаза местным. Над головой не летали поисковые вертолеты или еще какие платформы, или вообще летающие тарелки. Я таких не видел на подворье, но кто знает, может, у местных в каком-нибудь сарае стоит авиетка на антигравах! Тронутый мирок. Свалить бы из него поскорее.

Куда «сваливать», я уже примерно представлял. Между планетоидами и звездными системами шла оживленная торговля. Даже было несколько крупных торговых кланов. Самым значительным кланом в ближайшей области пространства была Торговая Лига. Ее валюта принималась в более чем трехстах системах! Вот на борт такого торговца я и планировал попасть. Пилот я или не пилот? Вдруг мои навыки и тут пригодятся. Как подумал, что, возможно, смогу управлять межзвездным кораблем, так аж мурашки предвкушения побежали по всему телу. А вдруг? С этой приятной мыслью я и устроился в удобной ложбинке меж корней могучей сосны. Долгожданный сон легко пленил мое сознание…

Пробуждение было приятным. Давно так не высыпался. Чувство свободы не заменить ничем! Ляпота!

– Наконец-то проснулся. И как бегалось? – Открываю глаза, чтобы увидеть склоненное ко мне лицо Тука. И дуло парализатора, смотрящее прямо в правый глаз. Добегался. Но как он меня нашел?! Я же заметал следы!

– Хорошо бегалось.

Тьфу, ну давай, спускай курок!

– Надень. – Протягивает такой знакомый и ненавистный ошейник.

– Пошел ты!..

Все, хватит с меня!

В ответ раздался щелчок тазера. Скрипя зубами и плюясь в бессильной ярости, почувствовал, как безжалостно щелкает на моей шее ярмо раба. Сволочи!!! Скоты! Ублюдки!

– И стоило того?

– Да! – шиплю, как придавившая хвост гадюка.

– Вставай. Пошли.

– Не пойду. Хочешь – неси! – Ярость клокотала, хотелось кинуться и зубами перегрызть ему горло.

– Сам напросился…

Через десять минут я вяло плелся за своим хозяином. Струйка крови стекала из уголка губ. Всего моего запала хватило ровно на три нажатия болевой кнопки. Размазня… Пилот межзвездного корабля – ага. Тьфу, слабак – вот кто я такой! Не более чем разумное животное, на коротком поводке. Холоп!

Обратный путь до фермы был намного короче. Выйдя на просеку, Тук пошел прямо по ней. Так мы вышли к одному из заводов-пирамид, а дальше на платформе и до подворья. Три часа на все про все. Наверное, именно так он меня и нагнал. Но как меня легко просчитали-то! С неимоверной легкостью вычислили, куда я пойду. А впрочем, чему я удивляюсь? Куда деться-то с планетоида, выход-то только один – посадочная площадка.

Тук надел на меня цепь. Нет, не виртуальную или какую-то высокотехнологичную, а банальную железную цепь. Сковав мою лодыжку одним ее концом, а другой обвив вокруг столетнего дуба на краю пашни. Вот так… И при этом с меня никто не снял ошейника.

Полторы недели я сидел на привязи. Мне приносили только хлеб и воду. И не отпускали с цепи даже по естественным надобностям. И да, помимо этого с меня сняли всю одежду, даже прикрыться не оставили ничего. Унижение как еще одно наказание. Будь голым, гадь где спишь и ешь, – знай свое место. Действенный метод. С кем-то другим сработало бы, со мной такое не прокатит. Что эта нагота, когда я с пленок приучен к камерам наблюдения, которые, уверен, были даже в ванной и туалете. Да, запах собственных фекалий вначале был очень омерзителен, но прошло четыре дня, и я пообвыкся, перестав его замечать. Тем более что диета, устроенная Туком, не располагала к частым походам по-большому.

– Ну и зачем ты это устроил? – К концу второй недели меня почтил своим вниманием хозяин. – Разве к тебе плохо относились? Тебя кто-то бил? Морили голодом? Работой нагружали чрезмерно?

– Плевать. Меня вот это бесит! – указываю на ошейник. – Я не скот. Не корова я!

Хотелось кричать, но вырывался только хрип. Простыл за это время очень сильно, а ивир – его закономерно отобрали.

– И весь твой побег только из-за ошейника? – Тук выглядит удивленным.

– Да, – вру, нагло глядя на него честными глазами.

– Сколько ж бед оттого, что люди не решаются просто подойти и спросить. Если дашь слово, что не сбежишь, я его сниму.

Он что, серьезно?

– Если все останется как было и не будет ошейника, не сбегу! – Не хватало еще перекреститься, но тут этого могут не понять.

– Договорились.

И ненавистный ошейник упал к моим ногам, а затем с меня сняли и цепь. Черт, черт, черт! Как легко-то! Попроси, и всех делов. Тук вроде взрослый мужик, но до чего наивный! Как же, не сбегу я…

Я держал слово дней десять. Объедался, набираясь сил. Меня перевели с работы пастуха на рубку дров. Тут, оказывается, и топили деревянными чушками! При снующих туда-сюда звездолетах. Не раз я видел их светящиеся очертания, которые проносились над фермой к космопорту. Эдакие быстрые и стремительные звездочки прочерчивали небосклон. Работа дровосека быстро вернула мне физическую форму.

Несколько дней я тайком запасался едой и снаряжением. Удалось достать несколько метров веревки, железный, явно кованный кузнецом нож, да топор всегда при мне. Второй раз меня так легко не поймают. Но на второй побег я решился только тогда, когда получил обратно цепочку с ивиром. Без сего чудодейственного средства отправляться куда бы то ни было чрезмерно неосмотрительно.

Теперь благодаря множеству наводящих вопросов я примерно представлял себе расписание движения платформ между заводами. Теперь я знал и следующую важную деталь: люди на аграрных планетоидах, а именно к таким и принадлежал Ростарг, предпочитали селиться вдали от космопорта, который был на этой планетке всего один. Так близко от посадочной площадки, как Тук, заводить хозяйства решались не многие. Видимо, тут «веселая» жизнь. Одно только не могу понять: разбойникам звездных дорог обязательно надо приземляться именно в порту?

Ладно, этот вопрос можно с легкостью отложить. Просто из-за такого расселения мне представлялся шанс, даже сделав большую петлю, с большой вероятностью миновать людское внимание. Повторять свою первую ошибку и бежать напрямик я не собирался. В этот раз буду умнее и осторожнее. Как говорил Бармалей: «Умные герои всегда идут в обход». Последую и я его совету.

Без ошейника и цепи сбежать не представлялось чем-то сложным. Охраны на ферме не было, никто за мной специально не следил. Даже сам Тук не обращал на меня никакого внимания, пока я исправно работал. Одним из вечеров хозяин подворья, загрузив в телегу продукты, повез их на торг к заводу. Это был самый лучший шанс, коим я и воспользовался.

Вначале совершил забег по прежнему маршруту. Пусть Тук думает, что я идиот и ничему не научился. Пускай решит, что мне в голову взбрело, что его отсутствие даст мне необходимую фору. Чем глупее он меня посчитает, тем легче мне будет.

Но затем, замаскировав след, развернулся и след в след вернулся на полпути назад, где протекал небольшой ручеек. Глубина в нем была едва по колено, и, не снимая ботинок, которые оказались водонепроницаемыми, аккуратно ступая по дну, я прошел несколько километров в противоположную от посадочной площадки сторону. Ничего, что потеряю во времени, в этот раз у меня есть еда. Правда, возрастает вероятность, что помимо Тука меня будут искать и другие, например стража. Но на этот случай я собирался приготовить преследователям несколько пренеприятнейших сюрпризов.

Выбравшись на берег, оставил четкий след. Достал топорик, нож и веревку. Насколько я уже понял, на Ростаге диких животных почти не было, а те, что присутствовали в местной фауне, были не крупнее зайца или лисы. Надеюсь, ловушки на крупного зверя моим предполагаемым преследователям неизвестны и будут для них очень неприятным сюрпризом.

Я не собирался мелочиться и принялся за сооружение самой опасной из доступных при моем оснащении ловушки. А именно пружинящей. Легко подобрал шест, срубив молодое деревце в отдалении от оставленного следа. Вытесал несколько кольев длиной в локоть и диаметром в три-четыре сантиметра, топориком заострил их, специально оставив острия зазубренными. Привязал их веревкой к пружинящему шесту. Саму же основу этого убийственного приспособления закрепил меж двух рядом растущих деревьев. Затем соединил всю конструкцию, замершую в шатком равновесии натяжения, со спусковым механизмом в виде натянутой веревочки, которую засыпал листвой и ветками. Теперь стоит кому-либо наступить на спуск, и тут же пружина механизма вырвется на свободу. Заостренные колья с

огромной скоростью пронесутся в метре над землей, снося все, что встретится им на пути. И если на этом пути будет человек, то ой не завидую я ему. Подобная ловушка способна убить лося, что уж говорить о хрупком человеческом организме.

Проверять работу ловушки я не стал, благо раньше их делал и прекрасно понимал что к чему. Вернулся к ручью и пошел в обратную сторону. В паре километров отсюда я видел несколько разбросанных вдоль берега валунов. Идеальное место, чтобы незамеченным выбраться из воды. Попрыгав по камням, я не стал бездумно спускаться на землю. А вдруг будут искать с собаками или еще с какими ищейками? Прямо с одного из камней я забрался на дерево. В этом месте лес был очень густой и почти непроходимый. С одной стороны, это плохо, но, с другой, позволяло мне перебираться с одного дерева на другое по веткам. И так несколько раз, однажды даже пришлось прыгнуть. Без ивира я бы на подобную авантюру не решился. Я же не Тарзан, чтобы перепрыгивать с ветки на ветку на расстояние четырех и более метров. Подобный трюк грозил многочисленными переломами. Но имея при себе столь необыкновенное лекарство, можно было не сильно беспокоиться о последствиях. На удивление, прыжок получился, никаких травм, кроме немного ободранных ладоней, не случилось. Теперь меня не найти и с собаками.

Но расслабляться я и не думал. То, с какой легкостью меня нашел Тук в первый раз, не позволяло мне ощущать себя в полной безопасности. Нет. Я не сделаю такой ошибки второй раз, не позволю ложному чувству спокойствия притупить мне бдительность.

Шел всю ночь, ориентируясь на звездное небо, и следовал заранее проработанному маршруту. Разумеется, я не знал, что мне встретится на пути, поэтому постоянно приходилось вносить коррективы. Но у меня врожденное чувство направления, значительно усиленное летными тренировками.

Под утро я нашел подходящее убежище – упавший ствол дерева, корни которого создавали естественную защиту от ветра и дождя. Тут и прикорнул, предварительно соорудив примитивную веревочную систему сигнализации. Не хочу еще раз проснуться и увидеть направленное мне в лицо дуло.

Поспать получилось всего несколько часов, но, окрыленный тем, что пока свободен, я бодро продолжил путь. Пройдя еще пару километров, решил, что покинутое лежбище оставлять без «сюрпризов» не следует, и вернулся. Около часа потратил на изготовление арбалетной ловушки. Кто знает, может, именно она и сделает мой побег удачным.

На вторые сутки побега я находился, если верить подсчетам, на расстоянии около двенадцати километров от цели. Это если по прямой. То, что я не сбился с направления, подтвердилось очень наглядно. На ночном небосклоне стремительным метеором оставил свой след один из кораблей, шедших на посадку. Усилием воли я унял охватившую меня дрожь – почти получилось! Осталось совсем немного! Конечно, очень большая вероятность, что вокруг поста шастают патрули, ищущие холопа-беглеца, но я и не думал, что проникновение на борт космолета окажется легкой задачей. Просачиваться сквозь охранные порядки худо-бедно, но умею. А местные вояки не произвели на меня особого впечатления. Если у них капралы такие, как Бид! Конечно, некоторую опаску вызывал дедушка Вим, но он стар, и, судя по поведению сержанта стражи, такие, как этот дед, редкость на Ростарге. По крайней мере я очень надеюсь, что редкость, и такими ветеранами тут не кишит каждая деревенька. Если я ошибаюсь, можно примерять ошейник навечно – сбежать шансов не будет.

Только я расслабился и решил перекусить остатками провизии, как что-то мелькнуло на периферии зрения.

Показалось? Откидываю в сторону недоеденный бутерброд и плашмя падаю на траву. Ползком отползаю за рядом растущий кустарник. Очень надеюсь, что это выверт сознания и мне просто привиделся чей-то силуэт меж деревьев. Несколько минут, стараясь даже дышать пореже, всматриваюсь в лесную чащу. Уф, никого. Может, ветка какая упала?

Хруст за спиной заставляет вздрогнуть. Перекатом ухожу в сторону, поворачиваясь на звук. Худшие опасения сбываются. В пяти метрах стоит вездесущий Тук! Да черт его побери – как?! Как он меня выследил?! Его куртка цвета грязной травы в двух местах пробита, и около рваных дыр красуются красные следы, следы обильной кровопотери. Одна дырка на уровне груди, около правого легкого, вторая еще правее. Я знаю, что может оставить такой след – колья от пружинной ловушки! Но как он выжил тогда? Не успевает этот вопрос прийти в голову, как понимаю – ивир. Тук попался в расставленные силки, но сумел не потерять от боли самообладание, смог вытащить колья из тела, а затем принял капсулу чудо-жидкости. Черт!

– А ведь я тебе поверил. – Его пошатывает от усталости. И не красуйся в его ладони парализатор, я мог бы воспользоваться его слабостью. – Доверился тебе. И вот как ты меня отблагодарил за это доверие. – Презрительно сплевывает на траву.

Я молчу. Что тут говорить? Если он считает, что слово раба что-то значит, и разочарован, то это его проблемы. Молчу и выжидаю, вдруг допустит какую ошибку, например, решит подойти. Но нет, он, наоборот, отступает на шаг, как хищник, почуявший опасность, исходящую от жертвы.

– Сам пойдешь или опять будешь усердствовать в своей глупости? – Не понимаю. Да, его слова полны желчи и раздражения, но тело его говорит об ином, Тук чем-то донельзя доволен. Не пойму чем, только это явно не радость от поимки сбежавшего холопа. Что-то иное, в чем пока не могу разобраться.

– Сам, – покорно склоняю голову.

– Так-то лучше, умнеешь прямо на глазах.

Тьфу на него три раза. Да желательно в его ухмыляющееся лицо попасть этими плевками. Но сдерживаюсь.

Когда мы вернулись на подворье, надо мной смеялись все работники фермы, тыкали пальцами и ржали как кони. Вот людям развлечение. Но мне было не до них. Я искал свою ошибку и не мог найти, вроде все сделал правильно! Ладно была бы массовая облава, и меня загнали бы как зверя. Не так обидно было бы. Но меня выследил и догнал один только Тук. Это было невыносимо! Какая-то деревенщина, отставной стражник с легкостью нашел меня – пилота КФФ! Тону в презрении к себе самому.

И опять цепь и ошейник, только почему-то вместо воды и хлеба в этот раз кормят очень прилично. Странная перемена. Я предполагал, что наказание за второй побег будет более жестоким, чем за первый. А тут совсем наоборот. Не понимаю психологию местных, хоть ты тресни – не понимаю.

Подходит вторая неделя моего пребывания на цепи. Принесший еду Тук не ушел сразу, а дождавшись, пока поем, кинул мне ключ от замка, который закрывал цепь.

– Снимай. И пошли за мной.

Хм… и что? Не нравится мне его тон, явно еле сдерживается от проявления какой-то сильной эмоции. Как бы не случилось неприятностей, после которых все ранее произошедшее покажется детскими играми…

Но опять все пошло не так, как ожидалось. Вместо какого-либо наказания Тук привел меня к ручью, выдал мыло и приказал мыться. Можно подумать, что этот приказ был нужен. Я сам мечтал отмыться от въевшийся грязи и с остервенением принялся за свое тело. Затем мне вернули одежду, причем она была постирана. Хм-м, к чему такая доброта? Уж не предпродажная ли это подготовка? Наверное, так и есть: я ему надоел, и он нашел кого-то, кому можно втюхать такого строптивого холопа. Закончив гигиенические процедуры под неусыпным надзором фермера, оделся.

И вновь мои догадки не оправдались. Тук привел меня к сараю, втолкнул в него и запер дверь. Потом приоткрыл ворота и потребовал:

– Я отключаю ошейник. – В подтверждение его слов ошейник со знакомым щелчком упал. – Кинь его мне. – Шокер недвусмысленно нацелен мне в живот. Исполняю приказ. Тут же он захлопывает дверь снова и запирает ее на ключ. – Значит, так. – Его голос почти не приглушается досками, что и неудивительно, ведь они неплотно подогнаны друг к другу. – Ко мне в гости сегодня прибывает алькар. – Настораживаюсь. – Он не любит, когда ошейники на людях. – Ага, понятно, почему с меня сняли это ярмо. – Также он бывает недоволен, когда к холопам относятся худо. В общем, так, сегодня сидишь целый день взаперти! И не вздумай выкинуть какую-нибудь гадость! А то я тебя! – По стене сарая гулко ударяет его кулак, я этого не вижу, но такой вывод сделать не сложно. – Ты меня понял?!

– Да, все ясно. Буду сидеть тихо.

– Вот. Но смотри у меня, ежели что… Иначе ошейник тебе покажется благом! – Судя по звуку удаляющихся шагов, он сказал все, что хотел.

Этот сарай был для меня в новинку, прежде какое-то время я жил в ином. В этом не было сена и примитивного инструмента. Тут были складированы мешки с картошкой, овсом и прочими продуктами, выращенными на ферме. И надо признать, стены у этого помещения были значительно крепче. Сломать их, конечно, можно было, но сделать это тихо – увы. На шум сбежится масса народа. Не вариант. Ничего, подожду более благоприятного момента.

Уже глубоко под вечер на подворье поднялись шум и суета. Я прильнул к щели между досками, но разглядеть ничего не удавалось. Только какое-то мельтешение и суета. Видимо, готовятся к встрече высокого гостя. Немного позже, когда суета улеглась, послышался перестук копыт. Ага, судя по всему, несколько конных, четверо или пятеро, жаль не разглядеть.

Зато немного позже закованный в знакомую (по встреченным в порту Биду и Лиму) техноброню стражник подошел к дверям сарая, в котором находился я.

– Эй там, внутри.

Это он ко мне обращается?

– Ась? – прикинулся я сельским дурачком.

– Сиди тихо, и я не зайду!

Прямо мне в глаз с другой стороны щели на меня смотрит дуло. И ой – это не парализатор! Чем-то зловещим веет от этого оружия – неминуемой смертью.

– Да, господин стражник. Я понял! – Отшатываюсь от стены.

– Так-то лучше. Я тут посплю, так что ты не шуми. – Сладко зевнув, он вернул бластер в кобуру. – Будешь мешать спать, уши на жопу натяну.

На эту фразу мой ответ не требовался. Стражник тут же уселся, облокотившись на стену сарая. И через пару минут послышалось равномерное сопение уснувшего человека. Ну силен мужик. Я так не умею, так быстро засыпать – это талант!

Понятно, зачем его сюда прислали. Чтобы нерадивый раб не набедокурил чего. Видимо, Тук уже рассказал алькару о двух моих попытках побега. Еще бы понять, кто такой этот алькар, точнее, это имя, или должность, или звание? Судя по личной охране и тем обрывкам сведений, что удалось вытянуть из местных, это большая шишка.

Мои мысли прервались едва слышным треском. Под массой закованного в доспех стражника, беззаботно посапывавшего снаружи, начали трещать доски внешней стены. Это же сколько весит его обмундирование, что доска-дюймовка не выдерживает такой массы?

А самое главное, доски прогибались постепенно, а не трещали, сломанные разом. Стражник дернулся во сне. Его локоть оставил приличную дыру в досках. Но он даже не заметил этого, только сменил позу с сидячей на лежачую. На шум никто не сбежался, видимо, в доме началась гулянка, оттуда доносились крики веселья и пьяные вопли.

Неужели такой шанс!!! Сквозь разлом завораживающе и маняще притягивала взгляд рукоятка парализатора, он почти выпал из кобуры надсмотрщика. Я подождал для верности

минут десять, но страж так же беззаботно спал. Ну нет, теперь все будет иначе! Устрою я Туку локальный армагеддон! Попляшет у меня этот любитель халявного труда.

Обдирая кожу, высовываю руку по локоть наружу. Есть! Кончиками пальцев удается зацепить рукоять. Плавно тяну ее на себя, затаив дыхание, ну же, еще чуть-чуть…

Стражник всхрапывает, дергаясь всем телом. Замираю. Страх пробирает до костей. Но нет, мне везет, он не просыпается. И вот через несколько секунд я становлюсь обладателем шокера. Очень надеюсь, что в нем нет никаких хитростей и личных замков, что позволяет использовать оружие только его хозяину.

Рассматриваю тазер более внимательно. Как он сделан! Ни единой лишней детальки, все идеально подогнано, зализано и гладко. Видимо, этот предмет не предназначен для разборки, не нашел даже зарядного устройства или чего-то напоминающего обойму. Только рукоять у него жутко неудобная, но быстро понимаю – оружие рассчитано на применение его в доспехах и в силовых перчатках. Желтоватая полоска на стволе указывала на уровень оставшегося заряда, судя по ней, парализатор полон энергии. Ох, только бы не ошибиться.

Тихое мышиное попискивание доносится из-под мешка с крупой. А вот и возможность проверки! Навожу шокер на писк и нажимаю на курок. Это оружие совершенно бесшумно, и я не боюсь кого-то потревожить этим выстрелом. Осторожно приподнимаю мешок. Так и есть, мелкая мышь даже не пытается дернуть лапкой. Приподнимаю зверька за хвост. Скорее всего заряд рассчитан на более крупную «дичь» – мышь мертва. Работает!

А вот теперь надо быть предельно внимательным. Дожидаюсь очередного взрыва хохота из хозяйского дома и, тщательно прицелившись, стреляю в не защищенную доспехом шею охранника. Тот судорожно дергается. Многократно усиленные броней, эти судорожные движения разносят стену сарая в щепки. Быстро обыскиваю стража. Черт! Кобура с бластером зачехлена и не поддается на мои попытки ее открыть. Зараза! Зато у него на поясе находится знакомый мне ошейник и пульт к нему.

– Хрпс-с-с. – Страж пытается что-то мне сказать, явно недоброе. Но его перехваченное спазмом горло способно выдать только полный злобы хрип.

– Поспи, малахольный. – Защелкиваю ярмо и отправляю его в глубокий сон.

Избавить охранника от брони не вышло. Обидно, подобный доспех мне лично пришелся бы очень кстати. Но ладно.

Тихим, стелющимся шагом огибаю дом. Я не повторю прежних ошибок, не кинусь в побег сломя голову. Сперва я устраню тех, кто, возможно, будет меня преследовать. И Тука, и алькара с его стражей. Нет, мысль об убийстве только мелькнула и быстро ушла. Моя задумка была проста: шокер – ошейник – сон. Затем всех свяжу цепями, надеюсь, они удержат этих терминаторов! И только тогда устремлюсь в бега. И не лесами, а прямо к заводу. Тазер своей приятной тяжестью в руке меня окрылял.

Выглядываю из-за угла. Так и есть, стража тут просто идиоты. Двое сидят на крыльце, сняв шлемы, и играют в кости, матерясь при каждом броске. Раз, два, спусковой крючок плавно слушается нажатий, и два тела валятся на утоптанную дворовую дорожку.

Теперь у меня нет права на ошибку, но действовать надо быстро! Ярмо, шея, кнопка сна, ярмо, шея, кнопка. Теперь у меня три тазера, два в руки, один за пояс, бластеры по-прежнему недоступны.

Замираю перед входной дверью. Вроде за ней нет никого, но на всякий случай плотно прижав дула шокеров к доскам, несколько раз нажимаю на спуск. Тишина, никто не упал, значит, пусто за этой дверью. Так и оказывается.

Больше всего боюсь нарваться на кого-то из семьи Тука. Но, видимо, все домочадцы сидят по своим комнатам, не показывая оттуда носа, чтобы не мешать гулянке хозяина. Мне так и лучше. Да и охранников больше не видно и не слышно. Стараясь не скрипеть половицей, медленно приближаюсь к гостиной, из которой и доносится разговор на повышенных

тонах. Останавливаюсь, прижавшись ухом к двери в комнату. Ага, вот очередной тост, звон бокалов, шумные выдохи и хруст закуски. Судя по всему, в гостиной двое – Тук и его гость. Только хочу пинком открыть дверь и разрядить заряды парализаторов, как неожиданный поворот в их беседе заставляет напрячь слух.

– Так, говоришь, будет интересно? – Такой голос обычно у тех, кто привык отдавать приказы. Сочный, жесткий бас с повелительными нотками.

– Да, мой капитан. – Хм-м, «капитан»? – Этот раб – истинная находка для такого ценителя, как вы. – Это о ком сейчас Тук?

– Не преувеличивай. Я много на кого охотился.

– Поверь, кэп, я знаю, о чем говорю. – Слышу звук наполняемых бокалов. – Я сразу понял, что этот живчик никуда не годный работник, с дурным характером. – Скрежещу зубами, ну я тебе это припомню, сволочь! – Несколько провокаций, пара подстав, охранник в облике мальчишки-пастуха, и этот холоп закономерно пустился в бега.

– И что, заставил тебя попотеть?

– Нет, кэп. Я его нагнал быстро. Посадил на цепь, затем сделал вид, что поверил в его раскаяние, отпустил без ошейника. И вот тут случилось самое неожиданное.

– Он опять убежал? – Алькар явно веселится. – Что же в этом неожиданного?

– Не в этом неожиданность. А в том, что этот задохлик меня два раза чуть не убил.

– Это как? – В голосе гостя явное удивление.

– Он настолько ловко петлял, что я еле-еле смог встать на след.

– Ты-то и еле-еле? Ты же двадцать лет был рейнджером в Лиге!

– Угу, кэп, был. И только мой колоссальный опыт помог разобраться в тех петлях, ложных следах, что оставлял этот малец. Но самое неожиданное, он соорудил пару ловушек, да таких, о которых мне не доводилось даже слышать. Причем сделал их из подручного материала.

– И ты в них попался?

– Да, это было слишком неожиданно. И честное слово, кэп, не будь у меня антишоковых имплантатов, мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Одна из его ловушек пробила мне легкое насквозь! И это деревянным, кое-как заточенным колом! В общем, еле выжил, спас только ивир. А потом мне пробила ногу в области бедра стрела.

– Стрела? Он соорудил лук и стрелял в тебя?

– Нет, кэп! Это была еще одна ловушка! Сам он был тогда за много километров оттуда.

– Впечатляет, впечатляет…

– Сейчас, по моим расчетам, он уже должен вырубить Пана, которого я попросил подставиться, и уже направляется в леса, вооруженный парализатором. Как тебе такая цель, кэп?

– Весьма и весьма, ты опять нашел чем меня порадовать. Давай дадим ему фору побольше, а пока выпьем…

Я не слушаю их дальше. Меня охватывает дрожь унижения и ярости. Со мной играли как кошка с тупой мышкой! Я-то считал себя самым умным, а местных неотесанными деревенщинами, а оно вон как обернулось! Я сам был в роли театральной куклы, послушно отзываясь на дерганье ниточек в руках Тука. Позорище-то какое…

Ну, сейчас я этим кукловодам устрою. «Направляется в леса», «бежит как зверь». Сейчас будет вам цирк, сволота! Пинком сношу дверь вместе со хлипкой щеколдой. Дула шокеров уже нацелены туда, где по голосам должны находиться эти два подонка. Так и есть, я не ошибся в расчетах. Бесшумно вжимаются спусковые крючки, и с наслаждением вижу, как вытягивается от неожиданоости лицо Тука и замирает на середине движения его гость…

Есть! Тук поломанной игрушкой валится на пол. А вот дальше все идет не по плану. Его гость стоит на ногах. Бессильно тазер выплевывает все новые и новые залпы, но ему все равно. И нет ведь на нем брони, только нелепый, очень похожий на одеяния времен сред-

невековой Европы, расшитый кричащими расцветками камзол. Еще не веря в возможность неудачи, перевожу мушки ему на лицо. Спуск, спуск, но нет. Гость Тука уже пришел в себя от моего неожиданного появления и, допив вино из бокала, поставил его на край стола.

Что же такое? Стреляй! Парализаторы явно работают, это чувствуется по мягкой отдаче, возникающей после каждого нажатия на спуск.

Гость делает пренебрежительный взмах ладонью, и оружие вылетает из моих рук. Какая-то неведомая сила приподнимает меня над полом, а шею сдавливают невидимые тиски. Это что за Дарт Вейдер местного разлива? Нажим на шею усиливается, перекрывая сонную артерию…

Глава 4

«Что за джедай меня вырубил?!» – это первая мысль, которая бьется в моей трещащей от боли голове сразу, как прихожу в сознание. Только джедаев не хватает в этом и без того непонятном местном мироустройстве. Положение мое незавидное.

Я нахожусь в телеге, брошен прямо на ее шершавые доски без всякой подстилки. Меня от плеч до самых пяток спеленали, аки посылку, чем-то вроде стретч-пленки. А во рту торчит кляп из дурно пахнущей тряпки, он закреплен скотчем. И меня явно не на праздник везут…

– Эх малец, малец, чтошь тебе жизнь-то не мила была. – Старческий голос дедушки Вима доносится откуда-то сверху.

И эта его простая фраза холодит все тело. «Не мила БЫЛА»… Отлетал свое ты, лейтенант КФФ Стрепетов. Судя по всему, совсем отлетал…

– Кто же тябя надоумил-та? Стрелять в алькара? Да хоть из шокера – все равно, это же дикость и явное самоубийство, малец. Эх-х, жалка тебя, ты мне глянулся. Но тепереча отвезу тебе, и больше не увидимся.

– Дед, кончай с ним разговоры разговаривать! – Резкий окрик приходит откуда-то сбоку. Но так как лежу лицом вниз, то не разглядеть, кто одергивает старика.

– Ты эта мне, щенок? – Тон Вима становится таким тихим и вкрадчивым, что даже меня затрясло от первобытного ужаса, который спровоцировала эта простая фраза.

– Старик, ты чего, я ж пошутил! – поспешно идет на попятную окликавший.

– То-то же, не отрастил еще приказывалку, чтобы мне перечить.

– Да ты чего, дедушка, просто приказано доставить его без разговоров.

– Тебе приказано, ты и молчи. Понял?

– Да я чего, я ничего… – Второй голос затих.

Н-да, непростой старикан. Ой как непростой.

– Ты, малец, не бойся. Ал Дорир доверит провести приношение или мне, или Траю. Больно не будет. Аккуратненько вскроем шейку, и мучиться будешь недолго. Я уж постараюсь.

Просто здорово, как меня это «радует». В кавычках «радует». Понимание, что смерть неминуема, накрывает сознание теплой волной безразличия, отключая все связные мысли…

– Тпру, кляча! Стоять, тебе говорю. – Телега неохотно тормозит. – Тап, дальше дотащишь мальца сам.

– Понял, дед, понял.

Ладони в силовых перчатках хватают меня за талию, с легкостью вынимая из телеги. Затем меня как мешок картошки перекидывают через закованное в броню плечо.

– Чаво стоишь? Иди, я пока подготовлюсь.

Резко кивнув, Тап зашагал по тропинке. Куда? Я пока не вижу, только пыльная дорога да спина в доспехе доступны для обозрения. И только когда колея тропинки сменяется на похожий на бетон пластик, соображаю – меня несут на завод-пирамиду. Так и оказалось. Стражник принес меня в огромную центральную залу.

Пологий купол высотой метров в восемь и знакомые, такие загадочные круги по-прежнему вяло текут по стенам помещения. Меня вновь кидают лицом в пол, разбивая нос и губы, но сейчас моя кровь, обильно текущая по полу, не вызывает никакой реакции. Пытаюсь перевернуться на спину, однако тяжелый ботинок ставит жирное «нет» на этой попытке.

– Затихни. Для приношения необязательно, чтобы жертва была целой и невредимой. Если понял, кивни.

Черт. Только кивнуть и остается. Хочется вжаться в пол, раствориться в нем, исчезнуть отсюда… Но этим мечтам не суждено сбыться. Жертва… Приношение… О господи! Жертвоприношение!!! Надо вырваться из пут. Надо!

Резкий удар ломает ребра. Отчаянный вопль не вырывается наружу, кляп работает надежно.

– Цыц! Ишь прыткий какой? Ты думаешь, я забыл, как ты меня вырубил шокером? – Еще один удар дробит колено. Ослепительная вспышка боли затмевает глаза, а за резким всполохом следует темнота беспамятства…

Прихожу в себя, уже со знакомым сладким привкусом на губах.

– Вим, подготовь его.

– Слушаюсь, ал Дорир.

Я лежу на полу уже не связанный и без кляпа. Дедушка Вим склоняется надо мной и шепчет на ухо:

– Не суетись и не мешай – и уйдешь легко. – «Уйдешь»… – И так, и так ты уже не жилец. Уйди с высоко поднятой головой. Пусть Древние видят, что жертва их достойна. Это последнее, что ты можешь сделать для себя. Обеспечь себе достойное посмертие, малец, не сопротивляйся.

– Спасибо, Вим.

Слова старика и правда помогли. Удалось взять себя в руки. Ни о каком побеге не могло идти и речи. Дюжина стражей, сам дед да этот гребаный джедай – все стоят рядом. Шансов на побег ноль целых, ноль десятых. Что ж, пусть эти твари видят, как умеют умирать офицеры Космофлота Федерации! Гордо вскидываю голову.

– Встань на колени. И голову держи гордо. Вот так. Правильно. Радуешь ты меня, малец. Как есть радуешь. Эх, как жаль-то…

В руках Вима что-то напоминающее обсидиановый серп, таким очень удобно одним движением располосовать горло до самого позвоночника. Дед встает мне за спину, кладет левую ладонь на мою голову, а правой держит около шеи серп. Вот и все…

– Да будут к нам благосклонны Древние боги.

А это еще что за рак с горы? Из-за спин стражников выходит кто-то в темном балахоне, закутанный в ткань от пяток до макушки. Даже лица не разглядеть, только сухой старческий голос льется из-под глубоко надвинутого на лицо капюшона.

– Да примут они наш скромный дар. Да не остановятся заводы.

Этот голос гипнотизирует, вгоняя меня в странный транс. И ведь даже головой не тряхнуть, чтобы скинуть наваждение – ладонь Вима прочно держит меня.

– Да пребудет их милость с нами. Да не перестанут взлетать светлячки.

Не хочу, не хочу умирать одурманенным! Нахожу взглядом кругляк-светляк, один из многих, что размеренно текут по стенам залы. Сосредоточение на этом предмете помогает избавиться от наваждения этого странного гипнотического голоса. Плыви, светляк!

– Да не оскудеют дары. Да будут светить звезды.

Ну, светляк, давай, помогай, а то опять погружаюсь в дурман. До рези в глазах всматриваюсь в кругляк на стене.

– Да не прервется нить поколений.

«Инициация запроса принята».

А это откуда?

– Да не будет засухи.

«Активация учетной карточки».

Это не голос, его никто не слышит. Это проносится у меня в голове, в моих мыслях.

– Да минует нас внимание флибов.

«Устройство связи на двенадцать абонентов».

Тьфу, что за хрень происходит?

– Да не выйдут их шалоты в нашей системе. Упасите нас Древние от этой участи.

«Дальность покрытия… Извините, идет пересчет…»

– Да будут наши чтецы умелыми.

«Извините за ожидание, пересчет окончен. Дальность покрытия четыреста километров от точки основного блока».

Голову стискивают тиски, не реальные, а какие-то эфемерные. Кажется, что мозги сейчас брызнут из всех щелей, из носа, из ушей…

– Да правит нами вечно род Дорир.

«Производитель корпорация «Тиус-3».

Чего производитель? Из носа начинает капать кровь.

– Да снизойдет благодать отцов наших…

«Принцип действия нейротимиумные струны».

– Да возрадуются нашей вере…

«Модель «Очиур-40-14-15-АС», лучшая на рынке систем Табира».

– Да благосклонно воспримут…

«Малая энергоемкость. Встроенная батарея на пятьдесят лет непрерывного использования».

– Да снизойдут Др…

«Элегантный внешний вид, разработанный лучшими дизайнерами нашей корпорации».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.